

Д.Е. Алимов

ХОРВАТЫ В ДАЛМАЦИИ В VII–IX вв.: ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ*

Методологические трудности, стоящие перед исследователем этнической истории в раннее Средневековье, далеко не исчерпываются контроверзой двух основных подходов к пониманию феномена этничности — примордиализма и конструктивизма. Едва ли можно признать праздным вопрос о том, насколько вообще корректно считать раннесредневековые групповые идентичности этническими. В последние десятилетия историками неоднократно подчеркивалась та роль, какую в становлении этнического дискурса в «варварской» Европе сыграли представители интеллектуальной элиты, образованные индивидуумы, вписавшие варварские групповые идентичности в те представления о «народах», которые были унаследованы ими еще от античной этнографии. Воздействие античной этнографии и Священного Писания на формирование этнического дискурса в раннесредневековой Европе действительно велико. Но значит ли это, что сами варвары, по крайней мере те, что не попали под влияние античного наследия и еще не были обращены в христианство, не знали деления на этнические общности? Подобно первым этнографам, начавшим в свое время описывать малоизвестные или вовсе не известные дотолем европейцам народы Африки и Нового Света, исследователь раннего Средневековья сталкивается с огромным количеством групповых идентичностей, в чем-то напоминающих современные этнические идентичности. Как и этнографы, историки часто записывали обладавшие этими идентичностями общности в число «племен», понимая под этим термином раннюю форму этнической общности. Между тем эти идентичности могли означать принадлежность к родственным коллективам, локальным общинам, языковым общностям, социальным и профессиональным группам, полити-

---

* Работа выполнена при поддержке Американского совета научных обществ (the American Council of Learned Societies), краткосрочный грант 2010 г.

ческим формированиям и т.п. Разграничить эти идентичности на практике, отделив этническую идентичность от неэтнической, представляется во многих случаях исключительно сложно, если вообще возможно. Основная причина кроется, как кажется, в синкретичности самосознания людей домодерных обществ, его семантической недифференцированности [Калинин 2000: 46–47].

Подобная ситуация побуждает некоторых исследователей по возможности отказываться от использования терминов «этнос» и «этнический» применительно к раннесредневековым общностям, предпочитая им терминологию, заимствованную из раннесредневековых источников. Одним из таких терминов становится используемое в раннесредневековых латиноязычных текстах понятие “gens” и производный от него термин «гентильный». Как в свое время показал Р. Венкус, *gentes* являли собой гетерогенные общности, политически, социально и идеологически конструируемые на основе воинской группы, сплотившейся вокруг харизматического вождя [Wenskus 1961]. Идеологически конституирующим элементом такой общности была вера в общее происхождение, что очень сближает эти общности с тем, что обычно понимается под этносом. Вместе с тем социальная, политическая и «этническая» (то есть основанная на вере в общее происхождение) идентичности были здесь практически неотделимы друг от друга. Поэтому целесообразно именовать такие общности не этническими, а этнополитическими, используя термин, устоявшийся в отечественной социальной антропологии.

Между тем этнополитические организмы были отнюдь не единственными типами общностей, существовавших в варварской Европе. Помимо родственных коллективов и локальных общин, несомненно, существовали и другие общности, соотношение которых с тем, что мы вкладываем сейчас в понятие этнической группы, остается во многих случаях совершенно неясным. Дискуссионным остается и вопрос о том, насколько сами гентильные идентичности как «этнические» идентичности раннего Средневековья являлись продуктом развития собственно варварского бесписьменного общества, а насколько — следствием структуризации варварских групповых идентичностей в рамках восходящего к Античности «книжного» дискурса образованных авторов письменных па-

мятников. Наконец, не до конца ясно также и то, являлись ли *gentes* универсальной формой «этнического» развития в варварской Европе. Несомненно то, что, подобно германским *gentes*, так называемые славянские «племена» или «племенные союзы» кочевников, также могут быть отнесены в большем числе случаев к разряду этнополитических организмов. Вопрос, однако, заключается в том, насколько схожи или различны были в этих общностях основополагающие скрепы социальной кохезии, обеспечивавшие их устойчивость. Все три обозначенные проблемы имеют непосредственное отношение к рассмотрению процесса, который мы называем формированием этнополитической общности далматинских хорватов.

1. Проблема «протохорватов»

В ряду вопросов, относящихся к проблематике формирования на территории бывшей римской провинции Далмации хорватского этнополитического организма, перед исследователями прежде всего возникал вопрос о том, что представляла собой общность первоначальных носителей имени «хорват» в момент ее первого появления на территории Балкан. В числе ответов на этот вопрос, предлагавшихся в историографии, долгое время доминировало определение данной общности как «племени» или группы «племен». Подобный взгляд, согласно которому хорватами первоначально именовалось лишь одно из нескольких славянских «племен», пришедших на Балканы и принявших общее название хорватов, был широко представлен в историографии второй половины XIX — первой половины XX в. При этом одни авторы считали хорватов частью славянских «племен», расселившихся на Балканах еще со времен аварского завоевания и постепенно освободившихся из-под власти аваров, другие же полагали, что хорватские «племена» пришли в Далмацию позднее других славян, которых они освободили от аварского владычества (обзор мнений см.: [Niederle 1906: 251–262; Šišić 1990: 236–265]).

Хотя в послевоенной историографии известные по источникам XI–XIV вв. родственные коллективы хорватской знати, включавшиеся ранее в число древних славянских (хорватских) «племен», уже не именовали «племенами», предпочитая использовать в их отношении иные термины («братство», «патронимия» и др.) [Mandić 1952; Ефремов 1963], возникно-

вание этих родственных групп нередко относили к эпохе, современной появлению хорватов на Балканах [Mandić 1952: 270–276; Бромлей 1964: 194–196]. Раннее же хорватское политическое образование в Далмации предпочитали именовать «племенным союзом» [Бабић 1953: 169], намекая, таким образом, на то, что в его составе существовали некие «племена», будь то компоненты того конгломерата, который под именем хорватов появился в Далмации, или некие славянские общности, включенные в состав хорватского объединения уже в процессе освоения хорватами «новой родины» [Наумов 1982: 168–170]. С этого же времени в историографии прочно закрепилось мнение, остающееся до сих пор довольно популярным, что появление хорватов в Далмации было второй волной славянского расселения на этой территории, причем на Балканах оказалась часть уже давно существовавшего к тому времени хорватского «племени» [Grafenauer 1950: 45–47; 1952: 33–38, 42–44; Barada 1952: 7–17; Łowmiański 1964: 182–200]. Отвечая на вопрос, к какому времени следует относить сложение славянского «племени» хорватов, исследователи, отгалкиваясь от гипотезы об иранском происхождении названия «хорват», нередко указывают на период славянизации ираноязычного населения в Восточной Европе, протекавший задолго до появления хорватов на берегах Адриатики [Седов 1987: 20; Майоров 2006: 80–173].

Наряду с давней традицией рассматривать первоначальную хорватскую общность в качестве славянского «племени» в историографии уже более ста лет сохраняет свои позиции и иной взгляд на ее характер. Развивая тезис о том, что пришедшие в Далмацию хорваты составили господствующий социальный слой в созданном ими политическом образовании [Klaić 1897: 1–85], и/или концептуализируя явно неславянское происхождение самого названия «хорват», некоторые исследователи рассматривали хорватов в качестве общности, глубоко отличной от земледельцев-славян по своему социальному характеру. Одни авторы писали при этом о воинственном хорватском племени, своего рода «народе-войске», чья эффективная военная организация позволила ему победить аваров и установить свою прочную власть над населением Далмации, другие всячески подчеркивали то обстоятельство, что, по их мнению, появившиеся в Далмации хорваты являли собой

не столько племя в традиционном смысле слова, сколько воинский контингент. Хотя и те, и другие исследователи настаивали при этом на неславянском происхождении хорватов, этноязыковая и этнокультурная принадлежность пришельцев определялась ими по-разному: в хорватах видели общность готского [Gumplowicz 1996; Šegvić 1997; Rus 1931; 1933], иранского [Hauptmann 1937; Sakač 1937; 1942; 1955], кавказского (адыгского) [Županić 1925; 1927; 1928] или тюркского (аварского или болгарского) [Howorth 1882: 224; Bury 1889: 275–276; Kelemina 1939: 28–30] происхождения.

Противоположные взгляды исследователей на социальный облик «протохорватов», которые по крайней мере в большинстве случаев могут быть сведены к альтернативе «славянские пахари — неславянские (готские, иранские и др.) ратники», в большинстве случаев предопределяли и соответствующие ответы на вопрос о том, что представляла собой древнейшая хорватская полития. В рамках одной историографической традиции ранняя хорватская полития, если, конечно, подобное определение вообще здесь уместно, представлялась как рыхлое объединение славянских жуп, в котором хорваты мало чем отличались от прочих славян. Лишь позднее — в результате самостоятельного «созревания» или под внешним воздействием (со стороны франков) — это образование стало государством с прочной центральной властью [Šišić 1990: 263–265, 268–269, 276–279, 664; Lanović 1938: 189–197]. В рамках другой историографической традиции акцент, наоборот, делался на воинском характере хорватской общности, в связи с чем считалось возможным говорить о появлении в Далмации прочной политической организации — государства — уже вследствие завоевания этой территории хорватами [Gumplowicz 1996; Županić 1922; Hauptmann 1942].

Интересно, что при всех изменениях в методологии, похожая ситуация сохранилась и в послевоенной историографии. Показательным примером являются выступление в 1970-е гг. Н. Клаич против возобладавшему к тому времени в хорватской историографии тезиса о существовании в Далмации VII–VIII вв. хорватского «племенного союза», трансформировавшегося впоследствии в Хорватское государство, и реакция на него И. Беуца. Отвергая вслед за другими авторами развивавшуюся Л. Хауптманном теорию «социального

дуализма», согласно которой потомки хорватов-завоевателей столетиями оставались в Далмации господствующим слоем населения, Н. Клаич, тем не менее, указала на недопустимость преуменьшения роли хорватов в борьбе с аварами, о которой сообщается в трактате императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» (середина X в.). По мнению исследовательницы, невозможно представить, чтобы простые землепашцы прошли через Аварский каганат и организовали восстание против аваров, а потому хорваты должны были представлять собой «воински организованную группу» или «военную дружину», установление господства которой над славянами в Далмации положило начало не племенному союзу, а государству [Klaić 1975: 147–148]. Напротив, И. Беуц, критикуя Н. Клаич за излишнее, по его мнению, доверие позднейшим свидетельствам Константина Багрянородного, высказал убеждение, что в случае с хорватами речь шла об одной из групп славян, отношения которой с прочими славянами в Далмации на основании имеющегося материала не поддаются определению [Beuc 1976: 107–110]. Как видно, даже спустя полвека после появления работ Ф. Шишича, рисовавшего хорватов славянским племенем, ничем не отличавшимся от других славян [Šišić 1990: 263–265], и Л. Хауптманна, видевшего в них иранских по происхождению завоевателей, установивших свое господство над славянами [Hauptmann 1925a; Hauptmann 1925b], ситуация в оценке в историографии места «протохорватов» в складывавшейся в Далмации хорватской политической организации не претерпела существенных изменений.

Следует подчеркнуть, что зачастую исследователи, называвшие первоначальных хорватов «племенем» или «воинской группой», явно недостаточно конкретизировали, что они имели в виду. Лишь в недавнее время в историографии проявился взгляд на первоначальную хорватскую общность как на аналог раннесредневековых германских *gentes*, понимаемых при этом под влиянием исследовательских результатов Р. Венкуса не как гомогенные родовые организмы, а как гетерогенные этнополитические общности [Ančić 2000: 77]. Казалось бы, в рамках такого подхода традиционно использовавшееся в историографии противопоставление «племя — воинский контингент» может показаться весьма условным,

если даже не лишенным смысла. Однако нельзя не отметить, что с попыткой применить к проблеме формирования общности далматинских хорватов этногенетическую модель Р. Венкуса давний историографический спор относительно социального облика первоначальной хорватской общности лишь обретает новое качество. Само по себе признание того, что раннесредневековые «племена» являли собой гетерогенные этнополитические организмы, формировавшиеся на основе воинских элит, не освобождает нас от необходимости дать ответ на вопрос, с какого именно времени можно говорить о существовании хорватской общности в качестве *gens*. Иными словами, мы вновь возвращаемся к старой дилемме, появилась ли в Далмации группа ратников или сюда переселился целый «народ», уже сплотившийся вокруг нее.

Известия письменных источников, которые, начиная с IX в. фиксируют проживание хорватов в разных частях Центральной Европы, как и наличие на ее карте немалого количества топонимов, очевидно, произведенных от слова «хорват», традиционно интерпретировались в историографии как следы существования в более или менее отдаленном прошлом единой этнической общности, носившей название хорватов. Подобное представление, которому трудно отказать в логичности, как казалось, хорошо соотносилось и с известиями нарративных источников X–XIII вв. о ранней истории Далматинской Хорватии, согласно которым хорваты пришли в Далмацию с территории древней прародины, располагавшейся в Центральной Европе к северу от Балканского полуострова. Между тем отсутствие в источниках упоминаний о хорватах вплоть до IX в., а также трудности согласования позднейшей информации о переселении хорватов на Балканы с реалиями, восстанавливаемыми по более ранним источникам, создавали благоприятную почву для появления альтернативной концепции хорватского «этногенеза». Ее сторонники пытались обосновать тезис о том, что первоначальные хорваты не являлись этнической общностью, представляя собой социальный слой Аварского каганата [Kronsteiner 1978; Wolfram 1979: 9; Pohl 1985; 1988: 261–268; 1995; Pritsak 1990; Budak 1990; 1994: 11–12, 67–69; Margetić 1995b].

В последнее время важный импульс к развитию идеи, согласно которой название «хорват» первоначально не имело

этнического значения, дало рассмотрение хорватского «этногенеза» с позиций конструктивистского подхода к пониманию этничности, позволившее Д. Дзино сместить фокус исследовательского внимания с проблемы «происхождения хорватов» на проблему «становления хорватами» [Dzino 2006: 17; 2009; 2010a: 175–210; Дзино 2008]. Отталкиваясь от данной методологической позиции, представляющейся нам в свете высказанных выше замечаний о характере раннесредневековых групповых идентичностей наиболее верной, мы сконцентрируем основное внимание на выявлении социально-политического контекста, в котором зародился хорватский этнополитический организм. Ввиду того что данный контекст определялся главным образом политическим присутствием в Далмации аваров и франков, мы последовательно рассмотрим воздействие данных акторов политической истории Далмации на эволюцию хорватской групповой идентичности в VII–IX вв. Правда, скудость источникового материала, относящегося к истории раннесредневековых хорватов, в сравнении, например, с историей готов, франков или болгар не позволяет в полной мере выявить «стратегии различения»¹, прилагавшиеся к хорватам извне и изнутри хорватского этнополитического организма. Отсутствие законодательных памятников заставляет черпать информацию об идентичности почти исключительно из нарративных источников, имеющих к тому же внешнее по отношению к Хорватии происхождение. Вместе с тем относительное богатство информации, представленной в этих источниках, включая присутствие в одном из них — трактате императора Константина Багрянородного «Об управлении империей» — относительно ранней версии хорватского этногенетического мифа, который может быть рассмотрен в сравнительно-исторической перспективе, внушает определенный оптимизм².

Попытки вписать известия трактата императора Константина о переселении хорватов в картину далматинского прошлого, восстанавливаемую по крайне скудным сведениям других, более ранних, источников, неизменно наталкивались на трудности, впрочем, не настолько значительные, чтобы в историографии был потерян кредит доверия к данному источнику. Если существование хорватской «прародины» где-то за пределами Далмации нельзя ни подтвердить, ни опро-

вергнуть за неимением информации других, более ранних, чем трактат императора Константина, источников, то с предпологаемым переселением хорватов на Балканы дело обстоит иначе. Несмотря на все приложенные историками старания, до сих пор не может найти удовлетворительного объяснения отсутствие каких-либо намеков на переселение хорватов в Далмацию в письменных источниках VII–IX вв. Другим трудно объяснимым моментом, как уже неоднократно отмечалось в историографии, является то обстоятельство, что, если верить трактату императора Константина, антиаварски настроенным хорватам каким-то образом удалось пройти в Далмацию из расположенной к северу от нее Белой Хорватии, несмотря на то что эти земли отделялись от Далмации центральными областями Аварского каганата, в которых аварская власть осталась непоколебимой вплоть до конца VIII в. Объяснения, дававшиеся этому обстоятельству в историографии, были весьма разнообразны. Одни авторы усматривали в нем наглядное противоречие известий императора Константина историческим реалиям, предполагая, что хорваты появились в Далмации вместе с аварами, если даже не раньше, вместе с готами. Другие, напротив, защищали авторитет императора, приводя множество объяснений тому, как хорваты могли переместиться с севера на юг, не столкнувшись при этом с аварским ядром в Паннонии (обзор мнений см.: [Guldescu 1964: 17–71; Lončar 1992; Švab 1995; Ферјанчић 1996]).

Все эти, нередко весьма остроумные, гипотезы основывались на допущении, что такие элементы традиции или концепты письменных источников, как «переселение», «война», «победа» и т.п., адекватно описывают исторические реалии, под которыми понимаются события, явившиеся наиболее важными эпизодами в истории «народа хорватов». Понятно, что такой подход почти полностью соответствовал представлениям самого ученого императора и его анонимного продолжателя — вероятного автора 30-й главы, а также тех хорватов или жителей Далмации, от которых в конечном счете эта информация попала в Константинополь. Отличие можно наблюдать лишь в том, что в историографии некоторые элементы хорватской традиции, такие, как сюжет о пяти братьях и двух сестрах, который в отличие от «переселения» или «победы

над аварами», выглядел неправдоподобно, обычно записывались в разряд легенд. Лишь относительно недавно исследователи стали открыто сомневаться в адекватности доминировавшего прежде подхода к интерпретации этих известий [Margetić 1990: 123]. Памятуя о том, что хорватская этногенетическая традиция представляет собой прежде всего отражение «этнического» дискурса хорватской элиты [Дзино 2008: 54–55; Dzino 2010b: 158–159], мы попробуем проанализировать входящие к ней известия 30-й главы трактата императора Константина.

2. Хорваты и авары

Рассказав о том, что прежде хорваты проживали в расположенной далеко за пределами Балкан «Белой Хорватии», автор 30-й главы далее сообщает: «Один из родов, отделясь от них, а именно пять братьев, Клука, Ловел, Косендис, Мухло и Хорват и две сестры, Туга и Вуга, вместе с их народом пришли в Далмацию и обнаружили, что авары завладели этой землей. Поэтому несколько лет они воевали друг с другом — и одолели хорваты; одних аваров они убили, прочих принудили подчиниться. С тех пор эта страна находится под властью хорватов» [КБ 1991: 131]. Рассказ о поселении хорватов в Далмации, содержащийся в 31-й главе трактата, отличается главным образом отсутствием в нем упоминания о семи хорватских вождях, вместо которых фигурирует отец архонта Порги, а также приписыванием главенствующей роли в поселении хорватов в Далмации византийскому императору Ираклию (610–641) [КБ 1991: 137].

В приведенном рассказе о переселении хорватов легко распознаются элементы, характерные для этногенетических преданий. Так, ряд элементов предания (мотив одного рода, состоящего из братьев и сестер, число «семь», наличие героя — эпонима общности), очевидно, должен был подчеркивать единство группы [Тржештик 1991: 41]. В то же время уже само перечисление имен вождей должно было указывать на значимость ее отдельных составляющих, кого бы или что бы они собой не представляли [Margetić 2001: 21–22]. Как показывают исследования этногенетических преданий различных раннесредневековых *gentes*, важным элементом их представления о прошлом являлся также миф об исходе с территории

некой «прародине». В действительности же «переселение народа» могло сводиться к закреплению в том или ином районе относительно небольшой воинской группы, становившейся ядром общности, конституируемой на новом месте путем принятия соответствующей идеологии различными по своему происхождению элементами. Результаты исследований некоторых «миграций» V–VI вв. показали, что перемещения воинских групп четко фиксируются лишь в областях, расположенных в относительной близости к римскому лимесу, причем именно римские (византийские) власти зачастую играли основную роль в привлечении этих групп в те или иные приграничные районы в целях обороны от других варваров [Amory 2003: 28–29]. Локализация хорватской «прародине» на севере могла в связи с этим являться результатом позднейшей рационализации, исходившей либо от самих хорватов, либо от византийцев [Borri 2011: 216, 223–224], знавших о существовании хорватских групп на севере.

К числу элементов, характерных для этногенетических преданий, следует отнести и мотив длительной войны и завершившей ее победы над могущественным противником, с которой начинается история нового «народа». Как показал Х. Вольфрам, в этногенетических легендах раннесредневековых германских общностей событием, символизирующим рождение или выход на историческую сцену новой общности, часто являлась победа над могущественным врагом, причем этот враг оставался главным для исторической традиции данной общности, иногда даже вопреки историческим реалиям. Х. Вольфрам объясняет это сохранением памяти о том, что заявивший о себе новый «народ» первоначально был частью более большой общности, от которой он насильно отделился, ускорив тем самым ее падение [Wolfram 1995: 50–51].

Таким образом, хорватское этногенетическое предание, дошедшее до нас в изложении автора 30-й главы трактата «Об управлении империей», обнаруживает значительное сходство с другими этногенетическими традициями, в особенности с теми, что были зафиксированы у германских общностей эпохи Великого переселения народов. Это обстоятельство дает нам основание, следуя этногенетической модели Р. Венсуса, представить хорватский «этногенез» в самых общих чертах как постепенное превращение относительно неболь-

шой воинской группы в этнополитическую общность. Но дает ли нам “origo gentis Chroatorum” достаточно информации для того, чтобы хотя бы гипотетически восстановить исторический контекст, в котором осуществлялось это превращение? Думается, что на этот вопрос можно ответить положительно. Если вынести за скобки все те элементы хорватского этногенетического предания, которые находят многочисленные аналогии в других памятниках жанра “origo gentis”, в нашем распоряжении для обнаружения реалий, в которых формировалась хорватская этнополитическая общность — “gens Chroatorum”, останутся два ценных свидетельства — имена легендарных хорватских вождей и стойкая оппозиция «хорваты–авары».

То обстоятельство, что хорватское этногенетическое предание ставит в начало хорватской истории именно конфликт с аварами, представляется нам исключительно важным. Оно свидетельствует, во-первых, о том, что далматинские хорваты в середине X в. именно к этому периоду относили начало своего исторического бытия, и, во-вторых, о том, что для носителей хорватской этнической идентичности противопоставление себя аварам было особенно значимо. В данном контексте хорватская идентичность может и должна рассматриваться как идентичность врагов авар. Таким образом, по аналогии с другими этногенетическими традициями, сохранившими мотив победы над могущественным врагом, представляется логичным связать кристаллизацию новой, хорватской, группы с ее обособлением от более крупной общности — аварской.

Знаменательно, что подобной интерпретации оппозиции «хорваты–авары» не противоречит и второй конкретно-исторический элемент известия о переселении хорватов — имена хорватских вождей. Все высказанные в историографии суждения относительно того, кого или что могли символизировать собой семь легендарных вождей, хотя подчас и базировались на серьезном изучении этимологии имен, по понятным причинам остаются сугубо гипотетическими. Но с определенностью можно говорить о том, что имена хорватских вождей, что бы они в действительности ни означали, не являются славянскими [Katičić 1986: 84]. Некоторые из имен (Туга, Буга, Клукас, Косендцис), довольно убедительно интерпретированные в свое время Й. Микколой как тюркские,

указывают на вероятность алтайской языковой принадлежности хорватов или, по крайней мере, присутствия среди них алтайского элемента (см.: [Margetić 2001: 21–26, 196–198]). Впрочем, этнокультурному контексту «полиэтнической» аварской «империи» не противоречит и более или менее вероятное присутствие в перечне хорватских вождей иранских, адыгских или германских имен, соответствующих тем языковым общностям, к которым хорватов нередко относили авторы различных теорий их «происхождения».

Подобное прочтение хорватского “*origo gentis*” вкупе с трудно разрешимыми противоречиями, порождаемыми версией о переселении хорватов из земель, расположенных к северу от Аварского каганата, на земли, лежащие к югу от его ядра, склоняет к тому, чтобы считать первоначальную хорватскую (или лишь впоследствии осмысленную в качестве таковой) группу интегральным элементом аварской политики. Хотя сама по себе ситуация конфликта вполне могла являться фактором, способствовавшим конституированию нового этнополитического организма, у нас, разумеется, нет веских оснований считать, что война хорватов с аварами имела место в действительности. Речь могла идти и о постепенном ослаблении аварской власти, создавшем условия для кристаллизации новой политики на периферии каганата.

Впрочем, на основании информации 31-й главы того же трактата представляется возможной гипотетическая конкретизация условий, в которых могло произойти выделение хорватской группы из состава аварской этнополитической общности. Рассказав в 31-й главе своего трактата о древнем месте обитания хорватов и предложив этимологию имени «хорват», Константин Багрянородный сообщает о приходе хорватов к императору Ираклию в эпоху, когда авары заняли Далмацию и изгнали оттуда «римлян». Заключив, что после изгнания «римлян» аварами «их земли остались пустыми», император сообщает: «Поэтому, по повелению василевса Ираклия, эти хорваты, пойдя войною против аваров и прогнав их оттуда, по воле василевса и поселились в сей стране аваров, в какой живут ныне» [КБ 1991: 137]. Архонтом хорватов в это время был отец Порги. Когда же архонтом был уже сам Порга, состоялось крещение хорватов императором Ираклием, приведшим с этой целью священников из Рима

[КБ 1991: 137]. Хотя источник соответствующих известий 31-й главы остается неизвестным³, упоминание в ней императора Ираклия, в правление которого Аварский каганат действительно пережил крупный внутренний конфликт (в 630-е гг.), а также, очевидно, неславянское имя архонта Порги вполне вписываются в реконструируемую картину становления этнополитической общности далматинских хорватов.

Долгое время в историографии считалось, что уже VII в. варварская «стихия» поглотила все пространство будущей Далматинской Хорватии, лежащее за пределами прибрежных городов Задара, Трогира и Сплита, которые, подобно близлежащим к ним островам Адриатического моря, сохранили свое романское население и оставались под номинальной византийской властью. Однако в археологической литературе последних лет (Н. Якшич, А. Милошевич, Ж. Рапанич) все сильнее звучит тезис о сохранении в VII–VIII вв. в прибрежной зоне Далмации, там, где впоследствии будут размещаться властные центры хорватской политики (Нин, Клис, Биячи), общин автохтонного населения, которые вопреки господствовавшим прежде представлениям далеко не сразу оказались под властью пришедших на Балканы варваров, будь то славяне или хорваты (обзор релевантной археологической литературы см.: [Bilogrić 2010: 40–42]). Гипотеза, согласно которой пришлый элемент (славяне и хорваты) первоначально базировался на некотором удалении от побережья Адриатики, в хинтерланде Далмации, в несколько ином контексте была также высказана И. Голдштейном, обратившим внимание на географию археологических находок VII–VIII вв., атрибутируемых пришедшим в Далмацию славянам [Goldstein 1992: 129, 143–146; 1995: 123–129]. Принимая во внимание характер датированного временем — около 800 г. — погребального комплекса в Бискупии под Книном, не оставляющий сомнений в том, что речь идет о захоронениях представителей правящего слоя хорватской политики [Milošević 2000: 123–125; Sokol 2009: 162–165], логично предположить, что именно район Книна являлся исходным пунктом позднейшей хорватской экспансии на побережье. Более того, на основании некоторых артефактов, происходящих из района Книна, можно говорить о присутствии здесь некой варвар-

ской элиты еще в VII–VIII вв., то есть в период, предшествующий установлению франкского господства в Далмации⁴.

Нельзя не заметить, что в стратегическом отношении район Книна, то есть пространство между верховьями рек Зрманя и Цетина, ограниченное с севера Динарским и Велебитским горными хребтами, в большей степени, чем какая-либо другая область далматинского хинтерланда, подходил к роли центра варварского политического образования. Изолированное положение книнского района относительно мест концентрации аварской элиты, ближайшие из которых локализируются, по археологическим данным, главным образом на территории поздне-римской провинции Сирмийская Паннония [Vinski 1971: 66], создавало благоприятную ситуацию для кристаллизации здесь небольшой варварской политики, независимой от Аварского каганата. Вместе с тем этот район был привлекателен выгодным географическим положением и наличием развитой дорожной инфраструктуры, восходящей к римским временам. Римские трассы соединяли располагавшийся здесь римский военный лагерь Бурнум с важнейшими центрами Далмации — Салоной, Ядером (Задаром) и Сенией [Budimir 1992: 27–28], позволяя книнской элите распространить свой контроль не только на земли далматинского приморья между Зрманей и Цетиной, но и на территорию Либурии [Mužić 2007: 170].

Локализация в районе Книна первоначального хорватского ядра вписывается в характер географического размещения в Центральной Европе других упоминаемых в письменных источниках хорватских групп, существовавших в период между 800 и 1000 гг. Это две хорватские группы в Восточных Альпах, так называемые карпатские хорваты в Восточных Карпатах, а также с трудом локализуемая хорватская группа, находившаяся где-то по соседству с чехами и мораванами. Все они фиксируются в местностях, расположенных поблизости от горных массивов. Находясь за пределами Карпатской котловины, пространство которой контролировалось или, по крайней мере, могло беспрепятственно контролироваться аварами, эти группы, однако, занимали местности, географически не очень от нее удаленные, причем силезские хорваты занимали территории к северо-западу от нее, карпатские — к северо-востоку, альпийские и далматинские — к юго-западу [Алимов 2010].

В свете сказанного подход, предполагающий поиск корней хорватского «этногенеза» в описанном в «Так называемой хронике Фредегара» аварско-булгарском конфликте 630-х гг., закончившемся исходом из каганата болгар [Grégoire 1945; Margetić 1995b], представляется нам наиболее перспективным из тех, что были предложены в историографии в рамках «аварской модели» хорватского «этногенеза». Именно в рамках данного подхода может получить адекватное объяснение давно замеченное в историографии сходство имени легендарного хорватского вождя Хорвата/Хровата (Hrovatos), упоминаемого в 30-й главе трактата «Об управлении империей», а следовательно, и самого названия хорватов, с именем правителя Великой Болгарии Кубрата, именуемого в «Хронографии» Феофана Исповедника Кроватом (Krovatos). Трудно не согласиться с тем, что сходство сюжетов двух рассказов о переселении хорватов, содержащихся в 30-й и 31-й главах трактата императора Константина, и сообщения «Бревиария» патриарха Никифора о восстании Кубрата против аварской власти [Чичуров 1980: 153, 161] делает возможное совпадение имен весьма интригующим. В свое время И. Бона сделал попытку связать воедино события аварско-болгарского конфликта в Аварском каганате, описываемые Фредегаром, с информацией патриарха Никифора о восстании Кубрата, предположив, что Кубрат и есть тот претендент на каганский престол из болгар, о котором сообщает нам франкский хронист [Bona 1981: 104–107]. Если это действительно так, то наблюдения о характере расселения хорватских групп позволяют по крайней мере задаться вопросом: не следует ли считать первоначальных хорватов/хроватов военно-политической группировкой сторонников Кубрата/Кровата, вынужденной после победы его соперника уйти с территории Карпатской котловины?

Об организации власти на первоначально занятой хорватами территории, как и о границах пространства, подконтрольного хорватам до 800 г., неизвестно практически ничего. Пришлось ли хорватам в этот период сталкиваться с какими-либо иными варварскими властными центрами на территории Далмации или хорватская «база» в районе Книна существовала в своего рода политическом вакууме? В историографии в качестве первичных единиц социально-полити-

ческой интеграции пришлого населения на западе Балкан нередко рассматривались жупании и/или жупы, фигурирующие в позднейших источниках в качестве территориальных сегментов ряда южнославянских политических организмов, включая Хорватию. В соответствии с популярным в историографии представлением, согласно которому до IX в. хорватские жупаны были связаны с родоплеменной организацией славянского общества [Rački 1888: 128–144; Lanović 1938: 194–197; Mandić 1952: 277–284; Suić 1992: 52–53; Smiljanić 1995: 186–190; 2007: 33, 38–39], такие территориальные единицы, как жупании и/или жупы, рассматривались как формы социальной интеграции, характерные для «родоплеменной» эпохи и предшествовавшие возникновению княжеств-«архонтий», описываемых в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей».

Между тем ни одно из названий одиннадцати хорватских жупаний, перечисленных в 30-й главе трактата императора Константина [КБ 1991: 133], не может быть с определенностью связано с названием какого-либо славянского племени или рода. Все они носят «географический» характер, будучи образованными непосредственно от названий местностей, рек, населенных пунктов, в большинстве своем восходящих ко временам до прихода славян. Данное обстоятельство хорошо согласуется с отсутствием в источниках сведений о существовании каких-либо еще групповых идентичностей в пределах территории, находившейся в IX–X вв. под властью хорватского правителя, за исключением периферийных по отношению к хорватскому этнополитическому организму гудусканов. Все это, естественно, не позволяет говорить о том, что в рамках жупаний могли осуществляться процессы этнополитической консолидации, которые бы предшествовали аналогичному процессу, осуществлявшемуся в рамках всего хорватского политического образования. Внутренняя организация хорватских жупаний, их размеры и, что особенно важно, соотношение друг с другом указывают скорее на то, что они изначально создавались в качестве административных единиц более крупной политической структуры [Smiljanić 1995: 186–187].

Казалось бы, мнение о том, что в древнейшую эпоху в Далмации существовало жупное устройство, которое сле-

дует отличать от появившейся позднее административной системы жупаний [Mandić 1952: 277–284], не может вызвать столь же серьезных возражений, как попытка рассматривать в качестве политических единиц «родоплеменной» эпохи жупании. К тому же географические характеристики и размеры районов, обычно именуемых в источниках термином «жу́па», делают весьма соблазнительной идею рассматривать жупу в качестве первичного уровня надобщинной интеграции славянского общества (из новых работ см.: [Плетерский 2008]). Так, относительно полные данные о средневековых боснийских жу́пах, имеющиеся в распоряжении исследователей, позволили говорить о том, что под термином «жу́па» выступали здесь, как правило, небольшие, относительно замкнутые географические районы, отделенные друг от друга естественными природными рубежами [Anđelić 1982: 12–13]. Такая жу́па обычно включала от 20 до 30 сел [Грачев 1967: 9]. Если предположить, что такая форма социальной организации, как «жу́па», действительно существовала на западе Балкан в VII–IX вв. и представляла собой небольшую социальную и территориальную единицу во главе с жупаном, то, разумеется, было бы нетрудно подыскать ей аналоги в разных уголках мира и соотнести с той стадильной формой социальной интеграции, которая в политической антропологии получила название «простое вождество» [Карнейро 2000: 90–93].

Однако, как в свое время показал В.П. Грачев, детально проанализировавший сведения имеющихся источников о западнобалканских жу́пах, большинство районов, которые в историографии считались жупами, обозначаются так только в Летописи попа Дуклянина (XII в.) и в источниках XIV–XV вв., когда эти районы входили в состав Боснии. То обстоятельство, что многие районы, не входившие ранее в состав Боснийского государства, стали именоваться жупами в источниках, только став его составными частями, позволило В.П. Грачеву высказать предположение об административном характере самого термина «жу́па», не говоря уж о «жупании» [Грачев 1967: 51–52; 1972: 90–100]. Помимо того очевидного обстоятельства, что первые упоминания территориальных единиц, обозначаемых в источниках термином “iupa” или “zupa” (жу́па), относятся ко временам более поздним, чем све-

дения императора Константина о жупаниях, отсутствует ясность и в вопросе о пространственном соотношении этих жуп и перечисленных в трактате императора Константина хорватских жупаний [Klaić 1959: 126–127; Клајић 1959: 341–342].

Остается констатировать, что имеющиеся в нашем распоряжении источники не дают возможности усматривать в жупах и тем более в жупаниях следы первичной социально-политической интеграции славянского населения Далмации, которая бы предшествовала вхождению этой территории в состав хорватской политики. Что же касается термина «жупан», то все указывает на то, что у южных славян он мог применяться к представителям власти разного уровня. Жупанами могли именоваться как главы небольших политий типа вожества, как упоминаемый в трактате императора Константина жупан Травунии Белое [КБ 1991: 151], так и главы более мелких единиц социальной интеграции, основанных на территориальных или родственных связях, как жупан Фиссо, фигурирующий в грамоте баварского герцога Тассило III 777 г. в качестве лица, лично засвидетельствовавшего своей клятвой границы населенной славянами декании (небольшой хозяйственно-административной единицы, охватывавшей обычно несколько поселений [Ронин 1995: 432]), пожалованной баварским герцогом основанному им Кремсмюнстерскому монастырю [Свод 1995: 430]. Если верна популярная гипотеза об аварском происхождении термина «жупан», это могло бы указывать на то, что в период аварского господства лица, именовавшиеся жупанами, были интегрированы в политическую структуру каганата, очевидно, составляя ее нижний уровень. Как известно, в так называемых «кочевых империях» и подобных им политических образованиях родовые подразделения кочевников были тесно связаны с военной организацией [Крадин 2002: 87]. В аварском происхождении термина «жупан», вероятнее всего, следует усматривать распространение данного принципа на славянские общины, чья социальная верхушка должна была стать элементом военно-политической иерархии каганата. При этом интерпретация статуса некоторых жупанов как глав образовавшихся на поставарском пространстве самостоятельных этнополитических организмов не предполагает наличия функционального различия между ними

и теми, кого император Константин именует архонтами. Данное обстоятельство делает безосновательным распространенное в историографии представление о стадильности социально-политического развития Хорватии и других политических организмов запада Балкан, выразившейся будто бы в существовании эпохи «племенных жупанов» и сменившей ее эпохи «архонтов».

3. Хорваты и франки

С конца VIII в. территория Далмации непосредственно соприкасается с Франкским государством, осуществлявшим активную экспансию в юго-восточном направлении и в 788 г. включившим в свой состав Истрию. Обстоятельства, при которых произошло подчинение франками Далмации, не вполне ясны. Результаты археологических раскопок показывают, что около 800 г. на территории Далмации появляются воинские захоронения, в которых обильно представлены предметы франкского оружия и воинского снаряжения (мечи, навершия копий, боевые ножи, стремена). Немалое число подобных артефактов было, в частности, обнаружено в упоминавшемся некрополе в Црквине, в Бискупии под Книном, включающем в свой состав около двух десятков могил, расположенных частично у южной стены церкви св. Марии, а частично — внутри самого храма в его западной части [Milošević 2000: 118–119, 123–125]. Погребения, находившиеся внутри церкви, которая, судя по всему, была воздвигнута здесь уже в первые десятилетия IX в. [Milošević 2002; Sokol 2009: 159–168], содержали поражающие своей роскошью предметы — богато декорированные стремена и приспособления к ним, выполненные из бронзы и покрытые золотом или серебром. Как видно, все указывает на то, что именно здесь хоронили представителей высшего правящего слоя хорватской политики [Milošević 2000: 123–125; Sokol 2009: 162–165]. Картографирование мест нахождения раннекарolingских артефактов, аналогичных книнским, показывает, что под контролем этой политики находились, помимо окрестностей Книна, регион Равни Котари, часть прибрежной зоны с Нином (античная Энона), а также течение реки Цетины (см. карту: [Milošević 2000: 116]).

Знаменательно, что именно к франкскому периоду в истории Далмации относятся первые упоминания самого имени «хорват». Древнейшее известное нам свидетельство использования названия «хорват» на территории Далмации относится, возможно, еще к началу IX в., если верна соответствующая датировка надписи на фрагменте алтарной преграды, происходящей из церкви св. Марты в Биячи [Delonga 1996: 52]. Как явствует из грамот Трпимира (середина IX в.) [CD 1967: 4] и Мунцимира (892 г.) [CD 1967: 23], надписи с именем Бранимира (879 — около 892 г.) из Шопота близ Бенковца [Delonga 1996: 166], а также надписи из Кулы Атлагича [Ibid: 194], в середине — второй половине IX в. название «хорват» определенно являлось элементом официального титула местного правителя: “*dux Chroatorum*”, “*dux Cruatorum*”. В грамоте Трпимира в связи с описанием территории, на которую распространялась юрисдикция Сплитской церкви, было впервые засвидетельствовано сложившееся к этому времени понятие “*regnum Chroatorum*” [CD 1967: 5].

Столь внезапное и стремительное появление в Далмации ясных признаков наличия здесь политической элиты и соответствующей ей идентификации на уровне *gens*, что, например, побудило Д. Дзино метафорически назвать одну из глав своей книги «Девятый век: *Chroati ex machina*» [Dzino 2010a: 175], уже давно заставляло исследователей задаваться вопросом о причинах неуловимости соответствующих признаков применительно к периоду, предшествовавшему появлению в Далмации франков. Правда, проблема была практически снята в работах тех авторов, которые приняли теорию о том, что хорваты появились в Далмации лишь в конце VIII столетия. Данная теория, выросшая из предложенной Л. Маргетичем гипотетической интерпретации хронологии известий 30-й главы трактата императора Константина [Margetić 1977], была с энтузиазмом поддержана рядом историков и археологов по двум основным причинам. Во-первых, она позволяла согласовать датировку миграции хорватов с археологическим материалом, свидетельствующим о появлении в Далмации около 800 г. богатых захоронений с предметами франкского вооружения и воинского снаряжения, несомненно, принадлежавших элите. Во-вторых, она предлагала внешне весьма логичное объяснение

тому, почему название «хорваты» начинает фигурировать в письменных источниках лишь в IX столетии. Иными словами, феномен довольно внезапного появления ярких материальных свидетельств существования воинской элиты в Далмации и письменных свидетельств существования на этой же территории хорватской идентичности объяснялся в рамках данной теории тем, что именно в это время в Далмации физически появляются хорваты-воины. При этом сторонники тезиса о появлении хорватов в Далмации около 800 г. нередко напрямую связывали утверждение в регионе хорватской элиты с его интеграцией в зону политического доминирования франков [Sokol 1990; 1997: 123–124, 136–137; Ančić 2000: 74–80].

Между тем некоторым авторам тезис о миграции хорватов с севера в Далмацию в конце VIII в. по-прежнему представляется несостоятельным. Они ссылаются главным образом на молчание современных письменных источников о хорватской миграции [Goldstein 1995: 126–128; Mužić 2007: 153–154], которое, как следует признать, в данном случае должно оцениваться как довольно весомый аргумент. Если сторонники традиционного представления о миграции хорватов в Далмацию в правление императора Ираклия, основанного на позднейших известиях императора Константина, могут по крайней мере сослаться на общую скудость информации об этом периоде в отношении Далмации, то поборники идеи о миграции хорватов в конце VIII в. лишены даже этой возможности. Отсутствие каких-либо намеков на эту миграцию на фоне сравнительного обилия информации об аварской политике Карла Великого делает данную гипотезу по меньшей мере натянутой.

Думается поэтому у нас нет веских оснований считать, что воинская элита, оставившая столь впечатляющие захоронения в Далмации, датируемые периодом около 800 г., была пришлого, а не местного происхождения. Но как же в таком случае объяснить ее неуловимость в предшествующий период? Сторонниками присутствия хорватов в Далмации задолго до 800 г. было предложено как минимум несколько объяснений отсутствия упоминаний о хорватах в письменных источниках. Наряду с вполне естественными попытками объяснить такое молчание характером самих источников —

их скудостью, консерватизмом, незаинтересованностью в местных реалиях и т.п. — в последнее время появились гипотезы, в рамках которых относительно позднее появление упоминаний о хорватах объясняется характером первоначальной хорватской идентичности. Так, И. Голдштейн, определяя хорватское общество VII–VIII вв. как «сегментированное», склонен видеть в этом и одну из причин отсутствия в источниках того времени упоминаний имени хорватов, так как «для этих “протохорватов”, окруженных славянами, которые по образу жизни, вероятно, не различались, гораздо важнее были род и семья, нежели хорватское имя» [Goldstein 1995: 103]. Похожее объяснение (в ряду других, связанных с характером источников) выдвигает Н. Будак [Budak 2008: 233]. Напротив, Л. Маргетич, исходя из своей теории, согласно которой хорваты в так называемый «среднеаварский» период (630–670-е гг.) были правящим слоем Аварского каганата, вытесненным затем на его окраины, включая Далмацию, новой волной пришедших с востока номадов [Margetić 1995b], считает возможным говорить о последующем длительном соперничестве в Далмации славянской и хорватской элит. Именно этим обстоятельством объясняется, по мнению Л. Маргетича, столь долгое молчание о хорватах на страницах письменных источников [Margetić 2003: 54–56].

Приведенные здесь рассуждения исследователей могут показаться весьма умозрительными, если не схоластическими, однако для нас важно подчеркнуть, что, пытаясь понять, почему хорваты начинают фигурировать под своим названием в письменных источниках лишь начиная с IX в., мы неизбежно сталкиваемся с ключевым вопросом локализации («хорватского ядра») и интерпретации того, что оно собой представляло. Думается, что предложенная выше гипотеза об оседании в районе Книна относительно небольшой воинской группировки, дистанцировавшейся от аварских властей во время внутреннего кризиса в Аварском каганате в 630-е гг., позволяет предложить не менее умозрительное, но и не менее логичное объяснение рассматриваемому явлению.

В первую очередь необходимо указать на само соотношение книнской политики как вероятного места сосредоточения носителей хорватской групповой идентичности и зоны

франкского господства в Далмации. Факт наличия в погребениях книнской элиты франкского оружия и воинского снаряжения позволяет согласиться с неоднократно высказывавшимся в историографии мнением, согласно которому в самом начале IX в. хорваты являлись военными союзниками франков в борьбе с аварами и/или византийцами. Предположение о военном союзе книнской элиты с франками хорошо объясняет и отсутствие в письменных источниках упоминаний о каких-либо военных операциях франков во внутренней части Далмации, которые могли бы быть направлены на насильственное подчинение местной политической структуры, хотя местный правитель Борна, упоминаемый в «Анналах королевства франков» в связи с событиями 818–821 гг. [ARF 1895: 149–155], несомненно, являлся франкским вассалом.

В свете предполагаемых союзных отношений книнской политики с франками представляется весьма перспективной гипотеза, четко сформулированная в трудах Н. Клаич и получившая дальнейшую разработку в трудах И. Мужича, согласно которой занятие хорватами, первоначально базировавшимися в удаленном от моря хинтерланде, приморской Далмации произошло при поддержке или с санкции франков в ходе экспансии последних в Далмацию [Klaić 1988; Mužić 1996: 54–61; 2001: 56–60, 256–259, 282–283]. Хотя мы и не можем согласиться с о локализацией хорватского ядра на территории Лики, Гацки и Крбавы, трудно не заметить, что концепция И. Мужича придает дополнительную актуальность вышеназванным выводам археологов о постепенном продвижении хорватов из хинтерланда на побережье, так как распространение контроля книнской элиты на Нин и Равни Котари, то есть на территорию, прежде тяготевшую к Задару, позволяет предполагать участие книнских ратников в военных действиях франков против Византии. Особого внимания заслуживает в этой связи и обнаружение в Далмации большого количества золотых солидов с изображениями императоров Константина V Копронима и его сына Льва IV, отчеканенных между 760 и 775 гг. [Milošević 2000: 119–120]. Присутствие этих монет в пяти погребениях в Бискупии указывает на их важное символическое значение для книнской элиты, а впечатляющее число находок таких монет в Хорва-

тии (свыше 70) вряд ли можно объяснить только наличием торговых связей с византийскими городами Далмации [Milošević 2000: 119].

Главным свидетельством того, что франко-византийское соперничество в Далмации привело к территориальным изменениям в пользу книнской политики, является известие «Анналов королевства франков» об урегулировании территориальных споров между далматинскими славянами и романцами. Под 817 г. Анналы сообщают о том, что император Людовик Благочестивый принял в Аахене византийского посла Никифора, прибывшего из Константинополя «по делам далматинцев» (*pro Dalmatinorum causa*). Император велел послу дожидаться прибытия фриульского маркграфа Кадолага, которому была вверена забота об «их пределах» (*illorum confinium*). Прибыв, Кадолаг стал обсуждать проблему с послом, однако, «так как дело касалось многих романцев и славян, и было видно, что оно не могло быть завершено без их присутствия», Кадолаг, Никифор и Альбгарий, племянник Унрока, были посланы на место, в Далмацию [ARF 1895: 145]. Рассматривая данное известие, трудно не согласиться с мнением В.К. Ронина о том, что «греческий посол Никифор явно требовал определения четких границ и прекращения натиска хорватов на сельскохозяйственную округу городов...» [Ронин 1985: 26]. Хотя мы не знаем, о каких именно территориях в Далмации шла речь на переговорах, можно предположить, что по крайней мере одной из них был современный район Равни Котари, где, судя по материалам археологических раскопок и сохранившимся до IX в. христианским храмам, романское население сумело пережить эпоху «темных веков» [Vežić 1996].

Думается, что предположение о санкционированной франками территориальной экспансии книнской политики позволяет понять, почему в «Анналах королевства франков» правивший в Далмации дукс Борна выступал сначала под титулом “*dux Guduscanorum*” (под 818 г.), а затем под титулами “*dux Dalmatiae*” (под 819 г.) и “*dux Dalmatiae atque Liburniae*” (под 821 г.) [ARF 1895: 149–150, 155]. Хотя Борна выступает в первом сообщении как правитель гудусканов, территория проживания которых с уверенностью локализуется в горной области Гацка на северо-западе Далмации

(см. рис.), в содержащемся в этом же источнике под 819 г. известии о битве между войсками Борны и дукса Нижней Паннонии Людевита на реке Купе говорится о том, что Борна, именуемый здесь дуксом Далмации, в первом сражении был покинут гудусканами и едва спасся благодаря своим «преторианцам» (*praetoriani*) [ARF 1895: 151], под которыми, скорее всего, имелись в виду его дружинники [Katičić 1990]. Здесь же сообщается о том, что, после того как гудусканы вернулись домой, они были снова подчинены Борной [ARF 1895: 151]. В связи с этим следует согласиться с замечанием М. Анчича, что мы едва ли можем считать Борну гентильным правителем гудусканов, так как подобный его статус затруднительно согласовать с фактом неповиновения его власти со стороны той самой *gens*, от которой должна была исходить легитимация его как правителя [Ančić 1998: 37]. Результаты археологических раскопок однозначно склоняют к тому, что дружинники Борны происходили с территории, тяготеющей к Книну, где в это время определенно фиксируется центр политического организма, чья военная элита была способна к экспансии. Если, таким образом, допустить, что Борна был хорватским (книнским) правителем, в подчинении которого находились гудусканы, то привлечение им ополчения гудусканов к походу против Людевита представляется вполне логичным: область их проживания располагалась не очень далеко от района военных действий.

На периферийный характер области проживания гудусканов по отношению к ядру хорватской политики ретроспективно указывает и информация 30-й главы трактата «Об управлении империей». Перечислив одиннадцать жупаний Хорватского государства, автор 30-й главы сообщает: «Боян их владеет Кривасой, Лицей и Гуциской» [КБ 1991: 133]. В историографии уже высказывалось мнение о том, что особый статус этих областей (современные Крбава, Лика и Гацка) в составе Хорватии, выражавшийся в их управлении баном, может быть связан с тем, что именно здесь находился район проживания гудусканов, название которых связано с названием области Гуциска [Бабић 1953: 168; Klaić 1975: 279]. Правда, было предложено и иное, не менее логичное объяснение особого статуса этих территорий: Ф. Шишич,

отталкиваясь от вероятного аварского происхождения титула «бан» и зафиксированных на северо-западе Далмации топонимов с корнем “obr”, будто бы образованных от славянского названия аваров (обры), локализовал в горных районах северо-западной Хорватии район проживания подвластных хорватскому правителю аваров [Šišić 1990: 678–680], о которых также сообщается в 30-й главе трактата императора Константина («В Хорватии и по сей день имеются остатки аваров, которых и считают аварами» [КБ 1991: 131]).

Однако, как уже давно было замечено в историографии, известие 30-й главы об аварах в Хорватии сильно контрастирует с тем, что в Паннонии, где присутствие аваров, казалось бы, должно было быть гораздо более явственным и продолжительным, чем в Далмации, авары как таковые перестают упоминаться на страницах источников уже к концу IX в. Не-

обычным выглядело длительное сохранение в Далмации аварского элемента и на фоне сообщения 31-й главы трактата «Об управлении империей» о том, что хорваты заняли Далмацию уже в правление императора Ираклия, что подразумевает, что период аварской власти над Далмацией продлился совсем недолго. Подобные соображения уже давно побуждали некоторых исследователей относиться к содержащемуся в 30-й главе известию об аварах с осторожностью, если даже не с открыто выраженным недоверием (обзор мнений см.: [Мујић 2007: 288]). Впоследствии скептицизм в отношении данной информации еще более усилился благодаря результатам археологических раскопок, не дающим оснований говорить о сколько-нибудь заметном присутствии аваров в Далмации.

Учитывая патовую ситуацию, в известном смысле сложившуюся относительно интерпретации известия 30-й главы о проживании аваров в Хорватии, нам представляется, что наше внимание должно быть обращено не столько на поиски в Далмации будто бы «объективных», а на деле весьма неопределенных признаков аваров вроде антропологического типа или материальной культуры, сколько на содержание, которое могло вкладываться в понятие «авары» в конкретных исторических условиях Хорватии середины X в. В связи с этим как минимум заслуживает внимания идея, некогда высказанная В. Полем, но, к сожалению, не получившая дальнейшего развития, о том, что в случае с хорватскими аварами речь необязательно шла о реальном этническом континенте [Pohl 1995: 94].

В первую очередь следует учесть, что данное известие, скорее всего, представляет собой нечто вроде занимательной этнографической подробности, добавленной в качестве иллюстрации к известиям хорватской традиции [Grafenauer 1952: 30]. По убедительному суждению Л. Маргетича, данное известие, подобно предваряющему его этногенетическому мифу, было также почерпнуто автором 30-й главы или его информаторами от самих хорватов [Margetić 1977: 12]. Учитывая это обстоятельство, данное известие следует рассматривать в первую очередь в контексте того хорватского представления об аварах, которое отражено в хорватской этногенетической традиции. Как мы уже могли убедиться,

важнейшей чертой этого представления было восприятие хорватами аваров в качестве своих исторических врагов. В таких условиях наличие в числе тех, кто считал себя хорватами, лиц, сохранявших аварскую идентичность, представляется совершенно невозможным: эти идентичности были взаимоисключающими. Более того, сам характер аварской идентичности, тесно связанный с функционированием аварской политической организации во главе с каганом [Pohl 1991: 44], делает маловероятной возможность сохранения в Далмации аварской самоидентификации спустя более чем сотню лет после разрушения каганата: велика вероятность того, что аварская идентичность приписывалась хорватами подчиненной группе.

Такой подчиненной хорватам группой, скорее всего, были гудусканы, приписывание которым аварской идентичности могло быть продиктовано не просто антиаварским характером хорватской самоидентификации, но и конкретными историческими обстоятельствами. Геостратегическое положение книнской политики на южных рубежах Аварского каганата делает весьма вероятным участие хорватов в войнах Карла Великого с аварами, а многочисленные находки на территории Далмации фрагментов позднеаварских поясных гарнитур блатницкого типа убедительно интерпретируются некоторыми исследователями как военные трофеи, добытые хорватами в войнах с аварами [Milošević 2000: 128; Sokol 1997: 124, 136–137]. Территория позднеантичной провинции Либурнии, во внутренней части которой находилась гудусканская полития, могла играть определенную роль в период борьбы франков с аварами, о чем свидетельствует загадочное убийство в 799 г. близ Тарсатики в приморской части Либурнии фриульского маркграфа Эрика, о котором сообщается в «Анналах королевства франков» [Labus 2000]. Не исключено, что подчинение гудусканов политическому центру, располагавшемуся в районе Книна, осуществленное Борной или кем-то из его предшественников, могло быть не просто актом экспансии одного вождества против другого, а предпринятой франкскими союзниками операцией против связанной с Аварским каганатом политики (баната) в хинтерланде Либурнии.

Таким образом, заметное расширение территории небольшого политического организма с центром в районе Книна,

в том числе за счет населенного романцами пространства далматинского побережья, свершившееся в результате планомерной акции франкского правительства, превратило книнского вождя в правителя большой территории, подвластной державе Каролингов. С точки зрения франков, гораздо более актуальным и значимым был статус Борны в качестве правителя непосредственно соседствовавшего с франкскими владениями гудусканского вожества, а также в качестве территориального правителя Далмации и Либурнии, нежели в качестве вождя небольшой политики в хинтерланде Далмации, начавшей в свое время складываться в районе Книна.

Политическая организация дуката Борны, реконструируемая на основе свидетельств франкских источников и археологических материалов [Katičić 1990; Goldstein 1995: 166–171; Ančić 1998; Třeštík 2001: 97–101; Margetić 2004; Алимов 2006; Mužić 2007: 157–170], имеет ряд признаков, характерных как для вожества, так и для раннего государства. К их числу следует отнести социальную дифференциацию, ярко выраженную в наличии воинской элиты, институционализированную власть верховного вождя, наличие единого правящего рода, в рамках которого осуществлялось наследование власти. И хотя нам ничего неизвестно о редистрибуции, присутствие в окружении правителя преданных ему «преторианцев», которые могли выступать в роли эффективного аппарата принуждения, и наличие крепостей (*castella*), вероятно, являвшихся опорными пунктами власти, позволяют допустить существование в политике Борны характерной для вожеств и ранних государств редистрибутивной экономики. Как известно, на практике бывает крайне сложно разграничить стадии вожества и раннего государства, так как разница между ними во многом заключается в степени развития признаков, присущих обеим формам политической организации [Крадин 2004: 179–181]. В случае же, когда доступная нам информация о той или иной политике не отличается достаточной полнотой, однозначно классифицировать ее как вожество или как раннее государство бывает просто невозможно. Хотя в случае с дукатом Борны мы сталкиваемся с похожими проблемами, некоторые соображения все-таки могут быть высказаны. Если вслед за П. Скальником и Х. М. Классеном усматривать важнейшее отличие вожества от раннего государства в развитии в послед-

нем узаконенной власти, обладавшей достаточными ресурсами для осуществления централизованного управления (см.: [Кочакова 2007: 323]), то, конечно, нельзя не принять во внимание отсутствие в источниках каких-либо намеков на существование в политике Борны сколько-нибудь развитого административного аппарата управления. Правда, есть основания полагать, что дружина, являющаяся, как известно, потенциальным источником формирования такого административного аппарата, играла в политике Борны весьма значительную роль. Если верна интерпретация известия «Анналов королевства франков», согласно которой в битве на реке Купе помимо проживавших неподалеку от театра военных действий гудусканов принимали участие только «преторианцы» Борны и только их силами Борне удалось снова покорить гудусканов, то все указывает на наличие или складывание в дукате Борны такой формы политической организации, в которой ведущую роль играла многочисленная и хорошо вооруженная дружина.

Вместе с тем рассмотрение организации управления на территории, находившейся под властью «дукса Далмации», не позволяет отыскать здесь никаких признаков промежуточного уровня политической иерархии, которые можно было бы рассматривать в качестве следов существования более локального по своим масштабам этапа политической интеграции местных общин. Если исключить ретроспективное использование данных о жупах и жупаниях, о бесосновательности которого уже говорилось, придется констатировать применительно к первой четверти IX в. существование на пространстве будущей Далматинской Хорватии в тех ее границах, которые впоследствии будут обозначены в трактате Константина Багрянородного, только трех политических единиц — книнской политики в узком смысле слова (то есть без гудусканского баната), гудусканской политики и, возможно, одного крошечного сербского вожества в верховьях реки Уны⁵. Данное утверждение не в состоянии поколебать и материалы археологических раскопок. В то время как территориальная распространенность характерных групп артефактов, таких как предметы франского вооружения и воинского снаряжения, хорошо маркирует территорию, находившуюся под контролем или по крайней мере политическим влиянием книнской элиты, ничто в этих материалах не

указывает на существование даже на сравнительно далеких от Книна территориях, таких как пространства будущих Псетской и Пливской жупаний, упоминаемых в трактате императора Константина, каких-либо конкурирующих с ним политических центров.

На фоне наличия в дукате Борны многочисленной и хорошо вооруженной дружины, сближающего его с ранними государствами дружинного типа, простота его организационной структуры нуждается в объяснении. Основные причины, вероятно, следует усматривать в природно-географических условиях и редкой населенности данного пространства. Хотя мы лишены возможности определить численность населения рассматриваемой части Далмации в интересующий нас период, число погребений на известных раннесредневековых некрополях дает основание полагать, что численность населения оставивших их общин была довольно незначительной [Goldstein 1995: 107–110]. К этому следует добавить и то, что до начала экспансии книнской элиты в прибрежную зону, общины автохтонных жителей Далмации, существовавшие по соседству с прибрежными городами Задаром, Трогиром и Сплитом, в которых проживало романское население, должны были политически тяготеть именно к ним, что еще более сужало пространство для возникновения локальных властных центров. Быстрое усиление поставарской книнской элиты после 800 г., приведшее к формированию вассального франкам дуката Борны, следует поэтому связывать не столько с внутренними социально-политическими факторами, сколько с внешними импульсами, связанными с изменением политической ситуации на западе Балкан вследствие франкской экспансии. Так, становление эффективной военной организации, необходимой для контроля над широкими и подчас труднодоступными в географическом отношении пространствами, было обеспечено предполагаемым участием книнских ратников в войнах франков с аварами и византийцами, сопровождавшимся широким притоком в Книн франкского вооружения. Территориальному росту книнской политики должна была способствовать и актуализация в условиях ведения военных действий сохранившейся с поздней античности инфраструктуры (дороги, каструмы), приведшая в конечном счете к формированию на ее

основе территориальной организации власти, выразившейся в системе жупаний.

Таким образом, можно согласиться с теми исследователями, которые, отталкиваясь от титула Борны “*dux Dalmatiae atque Liburniae*”, намекающего на территориальную, а не на гентильную основу его власти, были готовы сблизить положение первого достоверно известного хорватского правителя со статусом наместника подчиненной франкам провинции [Ančić 1998: 34–36; Budak 2003: 70–71]. Здесь, однако, следует оговориться, что таким его статус должен был видаться франкам, в связи с чем встает вопрос о том, как ощущали себя в такой ситуации сами хорваты. В археологической литературе неоднократно обращалось внимание на то, что как специфические предметы франкского вооружения, так и элементы позднеаварских поясных гарнитур «блатницкого типа», характерные для элитных захоронений Среднего Подунавья конца VIII — первой половины IX в., начинают появляться в один и тот же период как на южных рубежах бывшего Аварского каганата — в Далмации, так и на его северной периферии — в долине реки Моравы и на территории Словакии (см., например: [Curta 2006: 130–131, 143–144]). Это явление заслуживает внимания с точки зрения особенностей самоидентификации элит. Согласно концепции Дж. Барнс, разработанной на материале раннесредневековых обществ Восточной Азии, особенности использования получаемых в результате обмена или торговли престижных предметов позволяют говорить о двух различных последствиях такой интеракции, зависящих от того, является ли идентификация элиты сугубо локальной, то есть обращенной внутрь социума, или более широкой, надлокальной. Если при локальной идентификации идеи и предметы, получаемые элитой вследствие интеракции реинтерпретируются в локальном контексте, то при надлокальной идентификации сохраняется первоначальное символическое значение предметов, сигнализирующее о принадлежности данной элиты к более широкой элитной группе [Barnes 1986: 82–83; 2007: 35]. Насколько можно судить, именно второй, надлокальный, вариант элитной идентификации был первоначально характерен для книнских ратников, вовлеченных наравне с элитами северных рубежей бывшего Аварского ка-

ганата в процесс политического переустройства поставарского пространства, происходивший под эгидой франков. В связи с этим закономерно встает вопрос о влиянии такого поведения книнской элиты на характер хорватской групповой идентичности.

Свидетельства существования в середине — второй половине IX в. таких понятий, как “*dux Chroatorum*” и “*regnum Chroatorum*”, традиционно рассматривались в историографии как показатель того, что к середине IX в. в Далмации уже сложилась хорватская этнополитическая общность. Однако, как недавно заметил Д. Дзино, титул дукса хорватов был «скорее результатом процесса политической софистики в Далмации, а именно интеграции в каролингские политические структуры, чем отражением уже существующей хорватской этничности в IX веке» [Дзино 2008: 54]. С этим замечанием трудно не согласиться, если понимать его в том смысле, что само представление о хорватах как об общности, возглавляемой собственным правителем (*dux Chroatorum*) и давшей название стране (*regnum Chroatorum*), то есть как об этнополитической общности *par excellence*, могло сложиться только в период вхождения книнской политики в сферу влияния франков (около 800–878 гг.), когда свойственный письменной культуре этнический дискурс мог быть усвоен местной элитой.

Тем более интересным выглядит на этом фоне то, что ни во франкских нарративных памятниках, описывающих ситуацию в Далмации, ни в адресованных в Хорватию письмах пап, ни в каких-либо иных источниках внешнего по отношению к хорватской политике происхождения название «хорват» не употребляется на протяжении всего IX столетия. Извне к общности, правящий слой которой уже именовал себя «хорватами», вплоть до X в. применялись только названия “*Sclavi*” и — в редких случаях — “*Dalmatini*” [Budak 2008: 233–234]. Если название “*Dalmatini*” может быть интерпретировано как искусственное книжное обозначение, хорошо укладывающееся в характерное для каролингского возрождения воспроизведение античной этнической и географической номенклатуры, то с названием “*Sclavi*” дело обстоит сложнее. В IX в. его использование по отношению к хорватам засвидетельствовано не только

во Франкском государстве и Риме, но и в самом хорватском дукате: в надписях из Нина [Delonga 1996: 207] и Ждрапня близ Скрадина [Ibid: 252], содержащих имя Бранимира, он именуется «дуксом славян» (*dux Sclavorum*). Славянская идентичность раннесредневековых хорватов традиционно объяснялась в историографии либо тем, что эта идентичность была изначально свойственна группе, ставшей впоследствии в Далмации известной под именем хорватов, либо ее восприятием в результате ассимиляции протохорватов более многочисленными славянами. В обоих случаях следовало бы допустить, что немалая часть населения Далмации обладала ко второй половине IX в. собственной стабильной идентичностью, базировавшейся не на политической принадлежности, а на языковой общности. Однако новейшая концепция становления славянской этничности, разработанная Ф. Куртой [Curta 2001], открывает возможность для иного толкования. Если, как полагает исследователь, «славяне» стали именоваться славянами не потому, что они говорили на славянском языке, а потому что их так называли другие [Ibid: 346], то превращение хорватов в «славян» могло осуществляться под влиянием традиции, пришедшей извне.

Не следует ли тогда связывать столь медленное усвоение соседями хорватской политики представления о существовании особой хорватской этнополитической общности с тем, что превращению хорватской групповой идентичности в гентильную естественным образом мешала надлокальная идентификация хорватской элиты, хорошо сочетавшаяся с использованием генерализирующего понятия «славяне» в качестве контекстуального самообозначения⁶⁷? К сожалению, даже гипотетический ответ на данный вопрос существенно затрудняется неопределенностью хронологии появления в Далмации терминов “*dux Chroatorum*” и “*regnum Chroatorum*”. Так или иначе, но на фоне игнорирования названия «хорват» применительно к Далмации IX столетия в иностранных источниках можно с уверенностью говорить о том, что заинтересованность в укреплении хорватской идентичности и ее адаптации к франкскому представлению о «народах» первой проявила именно местная элита, что могло быть связано с конкретными политическими обстоятельствами.

Этот вывод, как кажется, хорошо согласуется с данными хорватской этногенетической традиции, в которой франкский период в истории хорватской общности получил весьма показательное осмысление. Вслед за рассказом о поселении хорватов в Далмации и отселении их части «в Иллирик и Паннонию» в 30-й главе трактата императора Константина описывается история взаимоотношений хорватов с франками: «В течение нескольких лет хорваты, находящиеся в Далмации, подчинялись франкам, как и прежде, когда они жили в собственной стране. Но франки были настолько жестоки к ним, что, убивая грудных детей хорватов, бросали их собакам. Не в силах вынести этого от франков, хорваты восстали против них, перебив архонтов, которых те им поставили. Поэтому против них из Франгии выступило большое войско. Семь лет длилась их борьба друг с другом, и наконец с трудом одолели хорваты. Они перебили всех франков и убили их архонта по имени Коцилин. С того времени, оставаясь самовластными и независимыми, они попросили Рим о святом крещении. И были посланы епископы, которые крестили их при Порине, архонте хорватов» [КБ 1991: 133].

Хотя в историографии «франкский эпизод» неоднократно подвергался исследовательскому анализу, он до сих пор остается предметом взаимоисключающих интерпретаций. Еще Г.Л. Краузе и Э. Дюммлер полагали, что известие 30-й главы о борьбе хорватов с франками может относиться к хорошо известному по франкским источникам восстанию нижнепаннонского дукса Людевита [Krause 1854: 49–53; Dümmler 1856: 390–393]. Кое-что в рассказе 30-й главы действительно перекликается с известиями франкских источников (жестокость франков, длительная война, отправка большого войска с территории Франкского государства). Неудивительно, что данная интерпретация, позволяющая отождествить Коцилина с фриульским маркграфом Кадолагом, а Порина — с правителем Далмации Борной, была принята большинством исследователей (обзор мнений см.: [Ронин 1983: 61–63]). Вместе с тем, если верить предложенной интерпретации, то нельзя не признать, что хорватская традиция обошлась с реальными историческими событиями весьма вольно. Получается, что она смешала Далмацию, чей правитель Борна, как явствует из франкских источников, был вер-

ным франкским вассалом и воевал с Людевитом, с восставшей против франков нижнепаннонской политией. При этом имевшее место в действительности поражение Людевита от франков было заменено в хорватской традиции вымышленной победой над ними хорватов. Более того, Кадолаг, будто бы тождественный Коцилину, согласно франкским источникам, не погиб в сражении, а умер во время восстания от болезни. К этому следует добавить, что само прекращение вассальной зависимости Хорватии от франков приходится лишь на конец 870-х гг., когда к власти здесь пришел ставленник Византии Здеслав. Наконец, совершенно невероятным выглядит в случае отождествления Порина с Борной принятие хорватами крещения из Рима: известно, что в начале IX в. в Далмации действовали священники из Франкского государства.

Перечисленные наглядные несоответствия «франкского эпизода» 30-й главы информации более ранних источников, обычно интерпретировавшиеся как следствия тенденциозности хорватской традиции или превратностей фиксации прошлого в устной передаче, побуждали, однако, некоторых исследователей искать иные толкования. Согласно интерпретации, предложенной в свое время Ф. Шишичем, Порина следует отождествлять не с Борной, а с Бранимиром (879–892). Как известно, Бранимир действительно завязал тесные контакты с Римом и получил для себя и своего народа благословение Папы Иоанна VIII. По мнению Ф. Шишича, описываемая в 30-й главе освободительная война хорватов с франками была вполне реальным событием, имевшим место в 870-е гг., когда встал вопрос о подчинении Хорватии Карломану. Что касается «архонта» Коцилина, то под ним, согласно мнению Ф. Шишича, подразумевался блатенский правитель Коцел, франкский вассал, будто бы воевавший тогда с хорватами [Šišić 1914: 18–48; Šišić 1990: 356–360, 386–387]. Как видно, если принять интерпретацию Ф. Шишича, то успешно преодолеваются противоречия, присущие толкованию Э. Дюммлера, однако возникают новые, отнюдь не менее значительные трудности. Во-первых, это отсутствие в источниках надежных сведений о какой-либо длительной войне хорватов с франками, а во-вторых, невозможность отнесения крещения хорватов ко времени правления

Бранимира, когда в Хорватии уже давно существовало собственное епископство [Grafenauer 1953: 176–189].

Таким образом, какую бы интерпретацию нарисованной в 30-й главе картины хорватского прошлого мы ни предпочли, ясно, что эта картина имеет достаточно отдаленное отношение к историческим реалиям. Вместе с тем «франкский эпизод» позволяет выявить некоторые значимые для хорватской этнополитической общности маркеры идентичности. Так, хорваты предстают в рассматриваемом рассказе неприимыми врагами франков, что заставляет вспомнить аналогичное изображение в хорватской традиции взаимоотношений хорватов и аваров. Описание победы хорватов над франками в результате изнурительной семилетней войны также напоминает описание их победы над аварами. Соответствие «аварского» и «франкского» эпизодов хорватской этногенетической традиции можно наглядно представить следующим образом (см. табл. 1).

Очевидные параллели между двумя рассказами объясняются наличием в них элементов, свойственных легендам жанра “*origo gentis*”, — мотивов войны с сильным неприятелем и победы над ним. Весьма показательным, что в изображении хорватской традиции именно после победы над франками, став «самовластными и независимыми», хорваты приняли крещение. Х. Вольфрам обратил внимание на то, что в некоторых этногенетических преданиях вслед за описанием события, символизирующего выход на историческую сцену нового «народа» (чаще всего таким событием является переход через реку или победа над могущественным неприятелем), говорится также о смене религии или культа, причем и это событие изображается как одномоментное [Wolfram 1995: 51]. Нетрудно заметить, что примерам, которые привел Х. Вольфрам, очень близки и описания крещения хорватов в 30-й и 31-й главах трактата императора Константина. Если согласно 31-й главе хорваты приняли крещение из Рима вскоре после своей победы над аварами, то согласно 30-й главе хорваты попросили Рим о крещении сразу после победы над франками. Однако если описание крещения в 31-й главе в какой-то мере соответствует реконструируемой по другим источникам картине, то описание крещения хорватов в 30-й главе всецело представляет собой

Таблица 1

Хорваты и авары	Хорваты и франки
1) Война «...несколько лет они воевали друг с другом...» [КБ 1991: 133]	1) Война «семь лет длилась их война друг с другом...» [КБ 1991: 133]
2) Победа хорватов «...и одолели хорваты; одних аваров они убили, прочих принудили подчиниться» [КБ 1991: 133]	2) Победа хорватов «...и наконец с трудом одолели хорваты. Они перебили всех франков и убили их архонта...» [КБ 1991: 133]

функциональный элемент идеологии хорватской элиты. Подобно тому как для утверждения хорватской элиты в качестве этнополитической общности было важно подчеркнуть ее самостоятельность по отношению к аварам и франкам, для ее утверждения в качестве общности этноконфессиональной (хорваты как христиане) было необходимо продемонстрировать самостоятельность самого акта крещения (после освобождения от франков) и церковной организации (приход духовенства из Рима). Нет нужды специально подчеркивать, что подобное толкование в хорватской традиции недалекого прошлого находилось в решительном противоречии с тем фактом, что именно в период франкского господства в Далмации силами главным образом франкского духовенства осуществляется активная «христианизация» Далмации, выразившаяся в строительстве церквей, создании церковной организации и т.п.

В связи с этим можно не только говорить об исключительной значимости для хорватов политической эмансипации от франков, но и рассматривать разрыв с франками в качестве одного из конституирующих оснований хорватского этнополитического организма. По всей вероятности, оппозиция «хорваты–франки» была потому так актуальна для хорватской элиты, что в эпоху франкского господства (около 800–878 гг.) она стала утверждать хорватскую идентичность в качестве «этнической», то есть идентичности особой гентильной общности. Этот процесс, скорее всего, являлся политически мотивированным: середина и вторая половина IX в. стали временем большой активности местных правителей, таких как Трпимир, Домагой и Бранимир, направленной на утверждение самостоятельности возглавлявшейся ими политики. Эта

активность, несомненно, требовала соответствующего идеологического обоснования. Иными словами, потребность в самоопределении местной элиты по отношению к франкам стимулировала процесс создания *gens Chroatorum*.

Заключение

Общеизвестно, что в раннесредневековых социумах между процессами формирования этнической идентичности и генезиса политической организации существовала определенная взаимосвязь. Между тем далеко не всегда имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют определить, в чем конкретно она проявлялась. Сопоставление идеологии хорватской элиты, выраженной в этногенетическом предании, легшем в основу известий о прошлом хорватов 30-й главы трактата императора Константина «Об управлении империей», с этнополитической ситуацией VII–IX вв., запечатленной в современной ей источниках, позволяет выявить механизм конструирования хорватской этничности, определяющую роль в котором играли оппозиции «хорваты — авары» и «хорваты — франки». Как видно, в данном случае идеология хорватской элиты была обусловлена ее социально-политической интеракцией с двумя основными политическими силами, претендовавшими в период между 600 и 900 гг. на власть над Далмацией. Приняв групповое имя хорватов в качестве своей базовой идентичности и тесно привязав его к своему социальному статусу и политической ориентации, гетерогенная варварская элита далматинского хинтерланда сделала шаг, значение которого для судеб этого уголка Европы трудно переоценить.

Противопоставление местной элиты (хорватов) аварам и франкам, являвшееся конституирующей основой новой этнополитической общности, было бы, однако, невозможно без вполне осязаемых политических успехов тех, кто стал именовать себя хорватами. Во-первых, само по себе становление властных институтов давало необходимую базу для появления и поддержания идеи общности. Во-вторых, оно создавало институциональные основы для распространения соответствующей консолидирующей идеологии и постепенного усвоения ее прежде слабо связанными друг с другом общинами пришлого и автохтонного населения Далмации.

Хотя имеющиеся источники не позволяют во всех деталях проследить проявления в становлении хорватской этничности «потестарно-политического модуса этногенеза» [Попов 2004], нам не приходится сомневаться в его важной роли для раннесредневековой Далмации. В этом смысле само становление надлокальной политической организации с центром в районе Книна и обособление местной элиты от социальной верхушки Аварского каганата, последующая экспансия книнской политики в приморскую зону, политическая эмансипация от франков и окончательная кристаллизация «раннего государства» к середине IX в., когда дукс хорватов Трпимир приобретает статус почти полностью самостоятельного правителя, могут рассматриваться в качестве факторов хорватского этногенеза. Другое дело, что действенность этих факторов проявилась далеко не сразу. Так, можно полагать, что в течение длительного времени полития, начавшая складываться в хинтерланде Далмации в районе Книнского поля, скорее всего, еще в 30-е годы VII в., не имела своего этнического «лица». Достаточно указать на то, что в византийских, римских и франкских источниках поставарские элиты Далмации, включая тех, кто станет затем известным под именем хорватов, вплоть до X столетия скрывались под предельно расплывчатыми определениями, такими как «западные народы», «славяне», «далматинцы», соответствовавшие географическим и этническим представлениям образованных авторов, описывавших новую варварскую реальность. Разумеется, в подобном словоупотреблении был силен элемент консервативной традиции, но очевидно и то, что процесс стабилизации хорватской групповой идентичности, превращения ее в базовую идентичность этнополитической общности был весьма длительным, заметно уступая в своих темпах процессу становления на территории, где впоследствии оформится «страна хорватов» (*regnum Chroatorum*), надлокальной политической организации.

Подобное отставание этногенеза от политогенеза не должно удивлять. Групповая идентичность, возникающая вследствие социально-политической интеракции элит и укрепляющаяся и распространяющаяся по мере становления и утверждения политической организации, может быть осмыслена и репрезентирована как этническая лишь при нали-

чии в социуме соответствующего дискурса. Ясно, что в хорватском случае протекал процесс адаптации хорватской групповой идентичности к тем представлениям о «народах», которые существовали к тому времени в постантичной христианской Европе. Процесс облачения варварского материала в выработанные цивилизацией одежды охватывал как саму хорватскую политическую организацию, так и соответствовавшую ей идеологию, определявшуюся такими понятиями, как «народ» (*gens*) и «страна (*regnum*) хорватов». В результате собственно варварские институты и связанные с ними оригинальные представления оказывались скрытыми за внешней (в хорватском случае — франкской) оболочкой, одной из составляющих которой был этнический дискурс. В раннее Средневековье подобное происходило везде, где существовали мощные центры письменной культуры с выработанными ими дискурсивными способами упорядочивания мира и более или менее быстро втягивавшаяся в их культурное поле варварская периферия, будь то германцы на окраинах поздней Римской империи, славяне на границах Византии и империи Каролингов или различные народы алтайской семьи, испытывавшие воздействие китайского «Срединного государства».

Таким образом, в основе формирования этнополитической общности далматинских хорватов лежала не только политическая актуализация хорватской групповой идентичности, но и ее репрезентация в качестве «этнической» с учетом доступных тогда образцов. Сочетание того и другого в деятельности хорватской элиты было, как можно думать, далеко не последним обстоятельством в числе факторов, обеспечивших сохранение хорватской идентичности в обстановке крайней неустойчивости, характерной для функционирования групповых идентичностей в раннее Средневековье.

¹ В. Поль предложил использовать данное понятие, заимствованное им из социологической теории П. Бурдьё, для исследования процессов групповой идентификации в раннее Средневековье (см. [Pohl 1998: 5–6]). См. анализ данной позиции с обзором методологически релевантных исследований: [Дмитриев 2008: 23–31].

² Задумывавшийся первоначально в качестве справочного труда о народах, окружавших Византийскую империю, трактат был вскоре

переработан ученым императором в наставление по управлению страной для своего сына — будущего императора Романа II. В 30-й и 31-й главах трактата, посвященных Хорватии, излагаются несколько отличающиеся друг от друга версии ключевых событий ранней хорватской истории — переселения на Балканы и крещения. Согласно утвердившемуся в историографии мнению, 30-я глава трактата, в которой, в отличие от 31-й главы, инициатива в переселении и крещении хорватов не приписывается императору Ираклию, опирается в ряде своих известий на историческую традицию самих хорватов. В историографии преобладает мнение о том, что 30-я глава была составлена между 955 и 973 гг., то есть несколько позднее остальных глав трактата, созданных между 948 и 952 гг., причем не императором, а неизвестным автором, вероятно, являвшимся уроженцем Далмации [Hauptmann 1925a: 96–101; Grafenauer 1952: 15–32; Margetić 1977: 11–31; Ančić 2010: 143–147].

³ Сходство известий венецианских хроник — “*Chronicon altinate*” и Иоанна Диакона — об активной деятельности императора Ираклия в регионе Адриатики с тем, что сообщает об Ираклии Константин Багрянородный, позволило Н. Будаку высказать предположение, что в основе известий трактата о деятельности императора Ираклия была традиция романских жителей прибрежных городов Далмации [Budak 1995: 75].

⁴ К числу таких памятников в первую очередь необходимо отнести набор 24-х бронзовых матриц для изготовления кованых украшений для одежды и конского убора, обнаруженный в Плискове в Бискупии у Книна [Korošec 1958: 29–42]. Другим местом концентрации артефактов VII–VIII вв., отражающих присутствие пришлой элиты на территории позднейшей хорватской политики, является относительно близко расположенный к Книну район Синьского поля. В частности, отсюда происходит датированная VII в. бронзовая матрица из Читлука, которая, подобно набору матриц из Книна, находит стилистические аналогии в памятниках маргыновского типа [Milošević 2000: 108]. В римскую эпоху здесь находилось поселение Эквум, через которое проходила дорога, связывавшая Бурнум и Салону [Šišić 1990: 122]. На основании находки из Читлука можно предположить, что вдоль этой трассы распространялся в южном направлении политический контроль книнской элиты. С предположением о раннем вхождении Синьского поля в состав воинственной варварской политики хорошо соотносится обнаружение в этом же районе уникальных для Далмации предметов вооружения — боевого топора типа *francisca* и лезвия меча, датированных VII в. и, вероятно, происходящих из лангобардской Италии [Milošević 2000: 110].

⁵ Локализация в верховьях Уны самостоятельной политики всецело основывается на гипотетической интерпретации известия «Анналов королевства франков» о бегстве правителя Нижней Паннонии Люде-

вита к некоему сербскому князю, сидевшему в своем граде (*civitas*) [ARF 1895: 158]. Согласно данной интерпретации, этот град размещался на месте упоминаемого в позднейших источниках хорватского поселения Срб, лежащего в районе античной трассы, по которой Людевит теоретически мог устремиться на юг (см.: [Goldstein 1984]).

⁶ На контекстуальную обусловленность использования названия «славяне» хорватской элитой указывает, по мнению Ф. Курты, факт ошибочного написания данного слова (*Clavitini* вместо *Scilavi*) в надписи из Ждрапня, в которой донатор местной церкви жупан Приштина должен был обозначить свой статус, как и статус Бранимира, обращаясь к нехорватской латиноязычной аудитории [Curta 2008: 159]. В именовании хорватов славянами еще в X–XI вв. Е.П. Наумов усматривал влияние романской традиции далматинских городов [Наумов 1982: 177].

Алимов Д.Е. 2006. «*Borna dux Guduscanorum*». К вопросу о характере княжеской власти в Далматинской Хорватии в первой четверти IX в. // Европа: международный альманах. Тюмень. Вып. VI. С. 5–21.

Алимов Д.Е. 2010. Хорваты и горы: к вопросу о характере хорватской идентичности в Аварском каганате // SSBP. № 2 (8). С. 135–160.

Бабић В. 1953. Хрватске земље у ранофеудално доба // Историја народа Југославије / ред. Б. Графенауер, Д. Перовић, Ј. Шидак. Београд. Књ. I. С. 169–226.

Бромлей Ю.В. 1964. Становление феодализма в Хорватии. М.

Грачев В.П. 1967. Термины «жупа» и «жупан» в сербских источниках и трактовка их в историографии (К изучению политической организации в средневековой Сербии) // Источники и историография славянского средневековья / отв. ред. С. А. Никитин. М. С. 3–52.

Грачев В.П. 1972. Сербская государственность в X–XIV вв. Критика теории «жупной организации». М.

Дзино Д. 2008. «Становиться славянином», «становиться хорватом»: новые направления в исследовании идентичностей позднеантичного и раннесредневекового Иллирика // SSBP. № 2 (4). С. 37–58.

Дмитриев М.В. 2008. Проблематика проекта «*Confessiones et nationes*: конфессиональные традиции и протонациональные дискурсы в истории Европы» // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века — Новое время / под ред. М.В. Дмитриева. М. С. 15–42.

Ефремов Е.А. 1963. Патронимия у хорватов в XI — первой четверти XIII в. // Учен. зап. Велюколуцкого гос. пед. ин-та. Вып. 22. С. 10–22.

Калинин И.К. 2000. Восточно-финские народы в процессе модернизации. М.

Карнейро Р. 2000. Процесс или стадии: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства // АПЦ. С. 84–94.

Клајић Н. 1959. Новији радови на друштвеној проблематици средњовековне Хрватске // Годишњак историског друштва Босне и Херцеговине. Год. X (1949–1959). Сарајево. С. 333–354.

КБ 1991 — Константин Багрянородный. Об управлении империей / под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева; пер. Г. Г. Литаврина. М.

Кочакова Н.Б. 2007. Понятие «раннее государство». Раннее государство (РГ) и вождество // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: в 2 т. / сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. СПб. Т. 2: Политическая культура и политические процессы. С. 321–344.

Крадин Н.Н. 2002. Структура власти в кочевых империях // КАСЭ. С. 79–90.

Крадин Н.Н. 2004. Политическая антропология: учеб. 2-е изд., испр. и доп. М.

Майоров А.В. 2006. Великая Хорватия: этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона. СПб.

Наумов Е.П. 1982. Возникновение этнического самосознания раннефеодальной хорватской народности // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего Средневековья / отв. ред. В.Д. Королук. М. С. 167–181.

Плетерский А. 2008. О «the Making of the Slavs» изнутри // SSBP. № 2 (4). С. 33–36.

Попов В.А. 2004. Потестарно-политические факторы этногенеза, или Потестарность как этногенетический модус // Радловские чтения-2004: тез. докл. СПб. С. 53–54.

Ронин В.К. 1983. Франко-хорватские отношения в трактате Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» // Византийский временник. Т. 44. С. 60–67.

Ронин В.К. 1985. Славянская политика Людовика Благочестивого: 814–829 гг. // Из истории языка и культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. В.Н. Виноградов. М. С. 5–33.

Ронин В.К. 1995. Грамота Тассило III Крессмюнстерскому монастырю // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II (VII–IX вв.) / сост. С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин, В.К. Ронин; отв. ред. Г.Г. Литаврин. М. С. 429–434.

Свод 1995 — Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II (VII–IX вв.) / сост. С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин, В.К. Ронин; отв. ред. Г.Г. Литаврин. М.

Седов В.В. 1987. Анты // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей / отв. ред. Г.Г. Литаврин. М. С. 16–22.

Тржешић Д. 1991. Славянские этногенетические легенды и их идеологическая функция // *Studia Balcanica*, 20. Раннефеодальные славянские государства и народности. София. С. 35–42.

Ферјанчић Б. 1996. Долазак Хрвата и Срба на Балканско полуострво (Осврт на нова тумачења) // ЗРВИ. Књ. 35. С. 117–150.

Чичуров И.С. 1980. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. М.

Amory P. 2003. *People and Identity in Ostrogothic Italy, 489–555.* Cambridge.

Ančić M. 1998. Od karolinškog dužnosnika do hrvatskoga vladara. Hrvati i karolinško carstvo u prvoj polovici IX. Stoljeća // *Radovi Zavoda za povijesne znanosti HAZU u Zadru.* Zadar. Sv. 40. S. 27–41.

Ančić M. 2000. U osvit novog doba. Karolinško carstvo i njegov jugoistočni obod // *Hrvati i Karolinzi.* Dio I: Rasprave i vrela. Split. S. 70–103.

Ančić M. 2010. Zamišljanje tradicije: Vrijeme i okolnosti postanka 30. glave djela *De administrando imperio* // *Radovi Zavoda za hrvatsku povijest.* Knj. 42. S. 133–152.

Anđelić P. 1982. Studije o teritorijalnopoličkoj organizaciji srednjovjekovne Bosne. Sarajevo.

ARF 1895 — *Annales Regni Francorum et Annales qui dicuntur Einhardi* / rec. F. Kurze. Hannoverae.

Barada M. 1952. Hrvatska dijaspora i Avari // *SHP.* Ser. III. Sv. 2. S. 7–17.

Barnes G.L. 1986. Jiehao, tonghao: Peer Relations in East Asia // *Peer Polity Interaction and Socio-Political Change* / Ed. by C. Renfrew and J.F. Cherry. Cambridge. P. 79–92.

Barnes G.L. 2007. *State Formation in Japan: Emergence of a 4th-century Ruling Elite.* L.; N.Y.

Beuc I. 1976. Još o problemu formiranja feudalnih država u Južnih Slavena // *Radovi Instituta za hrvatsku povijest.* Zagreb. Sv. 8. S. 65–165.

Bilogrivić G. 2010. Čiji kontinuitet? Konstantin Porfirogenet i hrvatska arheologija o razdoblju 7–9. stoljeća // *Radovi Zavoda za hrvatsku povijest.* Knj. 42. S. 37–48.

Bóna I. 1981. Das erste Auftreten der Bulgaren im Karpatenbecken. Probleme, Angaben und Möglichkeiten // *Studia Turco-Hungarica.* Budapest. T. V. S. 79–112.

Borri F. 2011. White Croatia and the Arrival of the Croats: an Interpretation of Constantine Porphyrogenitus on the Oldest Dalmatian History // *Early Medieval Europe.* Vol. 19 (2). P. 204–231.

Budak N. 1990. Die südslawischen Ethnogenesen an der östlichen Adriaküste im frühen Mittelalter // Typen der Ethnogenese unter besonderer Berücksichtigung der Bayern. Teil 1 / Hrsg. von H. Wolfram und W. Pohl. Wien. S. 129–136.

Budak N. 1994. Prva stoljeća Hrvatske. Zagreb.

Budak N. 1995. Tumačenje podrijetla Hrvata i najstarije povijesti Hrvata u djelima srednjovjekovnih pisaca // EH. S. 73–78.

Budak N. 2003. Hrvati u ranom srednjem vijeku // Povijest Hrvata. Knj. 1: Srednji vijek / Gl. ur. F. Šanjek. Zagreb. S. 49–79.

Budak N. 2008. Identities in Early Medieval Dalmatia (Seventh — Eleventh Century) // Franks, Northmen, and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe / ed. by I.H. Garipzanov, P.J. Geary, P. Urbańczyk. Turnhout. P. 223–241.

Budimir M. 1992. Arheološka topografija Kninske općine // Izdanja Hrvatskog arheološkog društva. Zagreb. Sv. 15: Arheološka istraživanja u Kninu i Kninskoj krajini. Zagreb. S. 23–32.

Bury J.B. 1889. A History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene (395–800). L. Vol. II.

Curta F. 2001. The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700. Cambridge.

Curta F. 2006. Southeastern Europe in the Middle Ages, 500–1250. Cambridge.

Curta F. 2008. The Making of the Slavs: between Ethnogenesis, Invention, and Migration // SSBP. № 2 (4). P. 155–172.

CD 1967 — Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae. Vol. I: Diplomata annorum 743–1100 continens / Redegit Marko Kostrenčić. Collegerunt et digesserunt Jakov Stipišić et Miljen Šamšalović. Zagrabiae.

Delonga V. 1996. Latinski epigrafički spomenici u ranosrednjovjekovnoj Hrvatskoj. Split.

Documenta 1877 — Documenta historiae chroaticae periodum antiquam illustrantia / Collegit, digessit, explicuit Dr F. Rački. Zagrabiae.

Dümmler E. 1856. Über die älteste Geschichte der Slawen in Dalmatien (549—928) // Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Wien. Bd. 20. S. 353–430.

Dzino D. 2006. «Biti», «Činiti» i «Znati»: Multietničnost hrvatskog identiteta u ranom srednjem vijeku (Predgovor uz knjigu hrvatska povijest devetoga stoljeća Ivana Mužića) // Mužić I. Hrvatska povijest devetoga stoljeća. Split. S. 5–20.

Dzino D. 2009. Novi pristupi izučavanju ranog hrvatskog identiteta // Radovi Zavoda za hrvatsku povijest. Knj. 41. S. 33–54.

Dzino D. 2010a. Becoming Slav, Becoming Croat: Identity Transformations in Post-Roman and Early Medieval Dalmatia. Leiden.

Dzino D. 2010b. Pričam ti priču: ideološko-narativni diskursi o dolasku Hrvata u De administrando imperio // Radovi Zavoda za hrvatsku povijest. Knj. 42. S. 153–165.

Goldstein I. 1984. Ponovno o Srbima u Hrvatskoj u 9. stoljeću // HZ. God. XXXVII (1). P. 235–246.

Goldstein I. 1992. Bizant na Jadranu. Zagreb.

Goldstein I. 1995. Hrvatski rani srednji vijek. Zagreb.

Grafenauer B. 1950. Nekaj vprašanj iz dobe naseljavanja južnih Slovanov // ZČ. Letnik IV. S. 23–126.

Grafenauer B. 1952. Prilog kritici izvještaja Konstantina Porfirogeneta o doseljenju Hrvata // HZ. God. V. Br. 1–2. S. 1–56.

Grafenauer B. 1953. Vprašanje konca Koceljeve vlade v Spodnji Panoniji // ZČ. Letnik VI–VII. S. 171–190.

Grégoire H. 1945. L' origine et le nom des Croats et des Serbes // Byzantion. Vol. 17. P. 88–118.

Guldescu S. 1964. History of Medieval Croatia. The Hague.

Gumplowicz Lj. 1996. Politička povijest Srba i Hrvata // Hrvati i Goti / priredio R. Tafra. Split. S. 183–192.

Hauptmann Lj. 1925a. Dolazak Hrvata // ZKT. S. 86–127.

Hauptmann Lj. 1925b. Karantanska Hrvatska // ZKT. S. 297–317.

Hauptmann Lj. 1935. Kroaten, Goten und Sarmaten // Germanoslavica. Brno. Vol. 3. S. 95–127, 315–353.

Hauptmann Lj. 1937. Seoba Hrvata i Srba // JIČ. Br. 3. S. 30–61.

Hauptmann Lj. 1942. Podrijetlo hrvatskoga plemstva // Rad HAZU. Knj. 273. S. 19–112.

Howorth H. 1882. The Spread of the Slavs. Part IV. The Bulgarians // The Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. Vol. XI. P. 219–267.

Katičić R. 1986. Filološka razmatranja uz izvore o začecima hrvatske države // SHP. Ser. III. Sv. 16. S. 77–92.

Katičić R. 1990. Pretorijanci kneza Borne // SHP. Ser. III. 1990. Sv. 20. S. 65–83.

Kelemina J. 1939. Popa Dukljanina «Libellus Gothorum» (I–VII). Studija o starogermskih spominih v naši zemlji // Etnolog. Leto XII. P. 15–35.

Klaić N. 1959. Postanak plemstva dvanaestero plemena kraljevine Hrvatske // HZ. God. XI–XII. S. 14–64.

Klaić N. 1975. Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku. 2. izd. Zagreb.

Klaić N. 1988. Poganska Stara ili Vela Hrvatska cara Konstantina Porfirogeneta // CCP. God. XII. Br. 21. S. 49–62.

Klaić V. 1897. Hrvatska plemena od XII. do XVI. stoljeća // Rad JAZU. Knj. 130. S. 1–85.

Korošec J. 1958. Ostava brončanih matrica za otiskivanje u Biskupiji kod Knina // SHP. Ser. III. Sv. 6. S. 29–42.

Krause H. L. 1854. Res Slavorum in imperiorum occidentalis et orientalis confinio habitantium saeculo IX. Pars I. Berolini.

Kronsteiner O. 1978. Gab es unter den Alpenslaven eine kroatische ethnische Gruppe? // Wiener Slavistisches Jahrbuch. Wien. Bd. 24. S. 137–157.

Labus N. 2000. Tko je ubio vojvodu Erika? // Radovi Zavoda za povijesne znanosti HAZU u Zadru. Zadar. Sv. 42. S. 1–16.

Lanović M. 1938. Ustavno pravo Hrvatske narodne države // Rad JAZU. Knj. 265. S. 167–242.

Lončar M. 1992. Porfirogenetova seoba Hrvata pred sudom novije literature // Diadora. Zadar. Sv. 14. S. 375–448.

Lowmiański H. 1964. Początki Polski. Z dziejów Słowian w I tysiącleciu n.e. Warszawa. T. II.

Mandić O. 1952. Bratstvo u ranosrednjovjekovnoj Hrvatskoj // HZ. God. V. Br. 3–4. S. 225–298.

Margetić L. 1977. Konstantin Porfirogenet i vrijeme dolaska Hrvata // Zbornik Historijskog zavoda JAZU. Vol. 8. S. 5–88.

Margetić L. 1988. Ugovor Mletaka i italskih gradova contra generationes Sclavorum (840.) // HZ. God. XLI (1). S. 217–235.

Margetić L. 1990. O nekim pitanjima naše ranosrednjovjekovne povijesti // ZČ. Letnik 44. S. 119–124.

Margetić L. 1995a. Bilješke u vezi s nastankom hrvatske države u 9. stoljeću // EH. S. 144–147.

Margetić L. 1995b. Neka pitanja etnogeneze Hrvata // Radovi Zavoda za hrvatsku povijest. Knj. 28. S. 19–56.

Margetić L. 2001. Dolazak Hrvata = Ankuft der Kroaten. Split.

Margetić L. 2003. Povezanost strukture hrvatskog društva i političkih odnosa u srednjem vijeku (do pojave staleža) // Rad HAZU. Knj. 487. S. 1–150.

Margetić L. 2004. O Borni, vojvodi Gačana // Prošlost obvezuje: Povijesni korijeni Gospićko-Senjske biskupije: Zbornik biskupa Mile Bogovića / Ur. F.E. Hoško. Rijeka. S. 87–101.

Milošević A. 2000. Karolinški utjecaji u Hrvatskoj kneževini u svjetlu arheoloških nalaza // Hrvati i Karolinzi. Dio I: Rasprave i vrela. Split. S. 106–139.

Milošević A. 2002. Crkva Sv. Marije, mauzolej i dvori hrvatskih vladara u Biskupiji kraj Knina. Split.

Mužić I. 1996. Goti ili Sklavi i nastajanje hrvatske države u Liburniji i među Dalmatima // Hrvati i Goti / Priredio R. Tafra. Split. S. 7–80.

Mužić I. 2001. Hrvati i autohtonost: na teritoriju rimske provincije Dalmacije. 7. izd. Split.

Mužić I. 2007. Hrvatska povijest devetoga stoljeća. 2. dopunjeno izd. Split.

- Niederle L.* 1906. Slovańské starožitnosti. D. II. Praha.
- Pohl W.* 1985. Das Awarenreich und die «kroatischen» Ethnogenesen // Die Bayern und ihre Nachbarn. T. I / hrsg. von H. Wolfram, A. Schwarz. Wien. S. 293–298.
- Pohl W.* 1988. Die Awaren. Ein Steppenvolk in Mitteleuropa, 567–822 n. Chr. München.
- Pohl W.* 1991. Conceptions of Ethnicity in Early Medieval Studies // Archaeologia Polona. Vol. 29. S. 39–49.
- Pohl W.* 1995. Osnove hrvatske etnogeneze: Avari i Slaveni // EH. S. 86–96.
- Pohl W.* 1998. Introduction: Strategies of distinction // Strategies of Distinction: the Construction of Ethnic Communities, 300–800 / ed. by W. Pohl, H. Reimitz (The Transformation of the Roman world. Vol. 2). Leiden. P. 1–15.
- Pritsak O.* 1990. Kroatien und Kroaten während des neunten Jahrhunderts: Das Entstehen einer christlichen Nation // Počeci kršćanskog i društvenog života u Hrvata od VII. do kraja IX. stoljeća. Zbornik radova II. međunarodnog simpozija o crkvenoj povijesti u Hrvata (Split, 30. rujna — 5. listopada 1985.) / ur. D. Šimundža. Split. S. 23–37.
- Rački F.* 1888. Nutarnje stanje Hrvatske prije XII. stoljeća // Rad JAZU. Knj. 91. S. 125–180.
- Renfrew C.* 1986. Introduction: Peer Polity Interaction and Socio-political Change // Peer Polity Interaction and Socio-political Change / ed. by C. Renfrew, J.F. Cherry. Cambridge. P. 1–18.
- Rus J.* 1931. Kralji dinastije Svevladičev, najstarejši skupni vladarji Hrvatov in Srbov 454–614. Ljubljana.
- Rus J.* 1933. Slovanstvo in vislanski Hrvatje 6. do 10. stoletja // Etnolog. Leto V–VI. S. 31–45.
- Sakač S.K.* 1937. O kavkasko-iranskom podrijetlu Hrvata // Život. Zagreb. Knj. 8. S. 1–25.
- Sakač S.K.* 1942. Historijski razvoj imena «Hrvat» od Darija I. do Konstantina Porfirogeneta // Život. Zagreb. Knj. 23. S. 3–21.
- Sakač S.K.* 1955. The Iranian Origins of the Croats According to C. Porphyrogenitus // The Croatian Nation in its Struggle for Freedom and Independence / ed. by A.F. Bonifačić, C.S. Mihanović. Chicago. P. 30–46.
- Smiljanić F.* 1995. Prilog proučavanju županijskog sustava sklavinije Hrvatske // EH. S. 178–192.
- Smiljanić F.* 2007. O položaju i funkciji župana u hrvatskim srednjovjekovnim vrelima od 9. do 16. stoljeća // Povijesni prilozi. Zagreb. Sv. 33. S. 33–102.
- Sokol V.* 1990. Panonija i Hrvati u 9. stoljeću // Izdanja Hrvatskog arheološkog društva. Zagreb. Sv. 14. S. 193–195.

Sokol V. 1997. Arheološka baština i zlatarstvo // Hrvatska i Europa: kultura, znanost i umjetnost. Sv. I: Srednji vijek — rano doba hrvatske kulture / ur. I. Supičić, J. Bratulić. Zagreb. S. 116–146.

Sokol V. 2006. Hrvatska srednjovjekovna arheološka baština od Jadrana do Save. Zagreb.

Sokol V. 2009. Zapadno zdanje i njegova pogrebna funkcija u crkvi sv. Marije u Biskupiji // Zbornik o Luji Marunu. Zbornik radova sa Znanstvenog skupa o fra Luji Marunu u povodu 150. obljetnice rođenja (1857.–2007.), Skradin — Knin, 7.–8. prosinca 2007 / ur. Ž. Tomičić, A. Uglešić. Šibenik; Zadar; Zagreb. S. 159–168.

Suić M. 1992. Marafor — Maricus — Župan // Izdanja Hrvatskog arheološkog društva. Zagreb. Sv. 15: Arheološka istraživanja u Kninu i Kninskoj krajini. Zagreb. S. 51–53.

Šegvić K. 1997. Gotsko podrijetlo Hrvata i kako nastade Hrvatska / preveo i priredio V. Nuić. Split.

Šišić F. 1914. Genealoški prilozi o hrvatskoj narodnoj dinastiji // Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu. Zagreb. Vol. 13. No. 1. S. 1–93.

Šišić F. 1990. Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara. Pretisak izdanja iz 1925. Zagreb.

Švab M. 1995. Današnje stanje historiografije o pojavi Hrvata na istočnoj obali Jadrana // EH. S. 54–60.

Třeštík D. 2001. Vznik Velké Moravy. Moravané, Čechové a střední Evropa v letech 791–871. Praha.

Vežić P. 1996. Ninska crkva u ranom srednjem vijeku — problem kontinuiteta i rezultati arheoloških istraživanja // Rađanje prvog hrvatskog kulturnog pejzaža / Ur. M. Jurković, T. Lukšić. Zagreb. S. 87–99.

Vinski Z. 1958. O nalazima 6. i 7. stoljeca u Jugoslaviji s posebnim osvrtom na arheološku ostavštinu iz vremena prvog Avarskoga kaganata // Opuscula Archaeologica. Zagreb. Br. 3. S. 13–67.

Vinski Z. 1971. Rani srednji vijek u Jugoslaviji od 400. do 800. godine // Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu. Ser. III. Zagreb. Br. 5. S. 47–74.

Wenskus R. 1961. Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen gentes. Köln; Graz.

Wolfram H. 1979. Conversio Bagoariorum et Carantanorum. Das Weissbuch der Salzburger Kirche über die erfolgreiche Mission in Karantanien und Pannonien. Wien; Köln.

Wolfram H. 1995. Razmatranja o Origo gentis // EH. S. 40–53.

Županić N. 1922. Bela Srbija // Narodna starina. Zagreb. Knj. II. Br. 2. S. 107–118.

Županić N. 1925. Prvobitni Hrvati // ZKT. S. 291–296.

Županić N. 1927. Harimati. Studija k problemu prvobitnih Hrvatov // Etnolog. Leto I. S. 131–138.

Županić N. 1928. Prvi nosilci etničnih imena Srb, Hrvat, Čeh in Ant // Etnolog. Leto II. S. 74–79.